

Офицерский
Честь имею
роман

*Александр
Зердан*

Суд офицерской чести

Офицерский роман. Честь имею

Александр Кердан

Суд офицерской чести (сборник)

«ВЕЧЕ»

1989, 2004

Кердан А. Б.

Суд офицерской чести (сборник) / А. Б. Кердан — «ВЕЧЕ»,
1989, 2004 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-7010-3

В новую книгу Александра Кердана вошли роман «Караул» и повествование «Суд офицерской чести» о защитниках Отечества, солдатах и офицерах, воевавших в Афганистане и в Чечне, верно исполнявших свой долг в период холодной войны и в дни мира. О воинской службе автор знает не понаслышке. Он почти тридцать лет прослужил в Вооруженных Силах, пройдя путь от курсанта военного училища до полковника. Автобиографичность и предельная искренность военной прозы Александра Кердана, глубокое знание им психологии своих героев и сопереживание их утратам и потерям, желание разобраться в подлинных истоках подвига и предательства – всё это составляет живой нерв книги, делает её интересной широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-4484-7010-3

© Кердан А. Б., 1989, 2004

© ВЕЧЕ, 1989, 2004

Содержание

Караул	6
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Кердан

Суд офицерской чести (сборник)

© Кердан А.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Караул Роман

Глава первая

1

– Печень трески... Горбуша в собственном соку... Слышь, Сань? – толкнул стоящего в первой шеренге Кравца его друг Юрка Захаров. – Ребята из семьдесят четвертого рассказывали: в выездном нажрались всего от пуза... Ты пробовал печень трески?

– Тише, Гейман услышит, – сквозь зубы осадил Кравец. На ужин был похожий на клейстер комок каши, который он есть не стал, а чай и кусок хлеба с маслом только разожгли тоску о человеческой еде.

– Так пробовал печень? – не унимался Юрка.

– Да пошёл ты со своей печенью!

– Отставить разговорчики в строю! – рявкнул старшина. – Ротя-а! Смирр-на! Равнение налево!

Из канцелярии вышел ротный Епифанцев, за низенький рост и визгливый голос прозванный Бабой Катей. Гейман, браво повернувшись на каблуках, отпечатал ему навстречу пять шагов:

– Товарищ капитан! Рота на вечернюю поверку построена! Разрешите начинать?

– Начинайте, – тоненько распорядился Баба Катя.

Раскрыв книгу вечерней поверки, старшина принялся выкрикивать фамилии курсантов. Услышав свою, Кравец внутренне подобрался и выдохнул:

– Я!

– Головка от буя! – раздался сзади комментарий. «Мэсел выёживается!» – подумал Кравец о своем постоянном недруге Масленникове, показал ему за спиной кулак. И тут же снова принял строевую стойку. К шеренге отделения подошёл Баба Катя.

Известно: с Бабой Катей лучше не связываться. Не то он наморщит лоб, переходящий в яйцеобразную лысину, прищурит желтоватые глаза, плотно сожмёт и без того узкие губы и дискантом выпалит традиционное:

– Я вас, таварищ курсант, на гауптвахте згнаю! Там вы у меня узнаете, что такое настоящий афицер-палитработник!

Ну, сгноить – не сгноит, а кровушку попортит изрядно!

Второкурсник – существо беззащитное. Его начальник училища запросто отчислит. Это старшие курсанты ходят с гордо поднятыми головами. Они на третьем году – «под крылом» Главкома ВВС, а он народные деньги, затраченные на их обучение, на ветер выбрасывать не станет. Разве что действительно произойдёт громкое чепэ...

Младшим, чтобы навсегда распрощаться с училищем, и одной самоволки хватит, а то и просто нелюбви Бабы Кати. Напишет рапорт на имя комбата, и – поминай как звали...

Если же до отчисления дело не дойдёт, у Епифанцева много других рычагов воздействия на неугодного. Например, лишение увольнения. В город – не сержанты и не комсомольские активисты – ходят по очереди, раз или два в месяц. Именно на второй курс приходится различные наряды: караулы, кухня, дежурство по автопарку... Из-за этого оказаться в городе, когда назначил свидание девушке или в кинотеатре идёт новый фильм, и так-то непросто. А уж если

сержанты и старшина Гейман получают приказ ротного, то просидишь на Увале, в семи километрах от столицы Зауралья, до самого отпуска.

Но и в день начала отпуска ротный может устроить авральную уборку казармы. Тысячу шестьсот квадратных метров пола, впитавшего в себя несколько слоёв мастики и черноты от каблуков, надо до первозданной белизны выскоблить стёклышком. Кроме того, отмыть до блеска окна, стены, выдраить туалет... И при этом умудриться не опоздать на поезд, идущий в сторону дома...

Что и говорить! Ротный для курсанта – царь, бог и воинский начальник в одном лице. От него зависит всё (или почти всё) на ближайшие годы учебы, а то и на служебную перспективу. Именно командир роты пишет характеристику выпускнику. Она многое решает в распределении, особенно если ты – не генеральский сынок...

Впрочем, на втором году обучения мало кто задумывается о выпуске. «Приказано выжить!» – так в училище зовётся этот курс. Вот и выживают второкурсники по принципу: день прошёл – и хорошо! Протянуть бы все последующие так, чтобы не заработать наряд вне очереди, не лишиться положенных тебе благ и, отгуляв отпуск, перейти на третий курс, который именуется куда отрадней – «весёлые ребята».

Епифанцев, словно почувствовав мысли подчиненных, окинул правофланговых пронзительным взглядом снизу вверх, задержал его на Кравце:

– Таварищ Кравец, пачему у вас вид атсутствующий? Апять стишки в страю сачиняете? Сколька раз вам павтарять: строй места священнае! Тут вам не царскасельский лицей, а ваеннае училище!

Сзади сдержанно хохотнул Мэсел и тут же осёкся под взглядом ротного. А он, довольный своим остроумием, неторопливо зашагал к левому флангу, куда по мере чтения перемещался Гейман.

Когда ротный и старшина удалились на безопасное расстояние, Кравец снова услышал шёпот Захарова:

– Сань, а Сань! А ведь выездной караул – почище, чем фотокарточка у развёрнутого знамени... Почему его в перечень поощрений не включили?

– Тебя спросить забыли! – отмахнулся Кравец и тут же нарвался на «грубость»: теперь уже от непосредственного командира – сержанта Шалова:

– Курсант Кравец, ещё одно слово и...

– Товарищ сержант, чуть что, сразу Кравец! Я молчу...

– Поогрызайся мне!

Кравец надулся и стал мысленно повторять: «Я совершенно спокоен, я совершенно спокоен». Так их недавно учили на военной психологии управлять эмоциями.

Тем временем старшина закончил поверку и объявил:

– Слушай наряд на завтра!

«Если известие о выездном – не плод чьей-нибудь фантазии, то сейчас узнаем, кому повезло, – подумал Кравец. В отделении в состав выездных караулов приказом по училищу было отдано несколько человек. В том числе и он. – Попаду или нет?»

Сопровождение воинских грузов – целое событие. С позиции Бабы Кати, это, конечно, наряд. Нелёгкий и ответственный. А с точки зрения курсантов – тут прав Юрка Захаров – что-то похожее на поощрение: увольнение или небольшой отпуск, сулящий радостные приключения. Пускай и с автоматом за плечами, но на неделю, а то и на две ты ускользаешь из-под опеки Бабы Кати. Питаешься не баландой, а вполне сносным сухпайком, в котором и тушёнка, и сгущёнка, и рыбные консервы, каких ни в одном курганском магазине не купишь...

Вообще-то зачитывание нарядов всегда напоминало Кравцу сцену из фильма «Операция Ы», когда начальник вытрезвителя отправлял своих подопечных на разные работы: «На стройку – два человека. На мясокомбинат – заявок не поступило...» – с той только разницей,

что в кино распределялись по объектам алкоголики и тунеядцы, а здесь – будущие политработники.

Вполуха Кравец прослушал, кто пойдёт в наряд по учебному корпусу, кому предстоит дежурство по штабу училища, кто заступит дневальным по роте. Наконец прозвучало долгожданное:

– Выездной караул... – старшина, как нарочно, сделал долгую паузу, – будет снаряжён от семьдесят первого классного отделения.

«Ура!» – чуть не вырвалось у Кравца, но, боясь сглазить возможное счастье, он замер.

– Начальник караула – сержант Шалов.

– Я!

– Караульные: курсанты Захаров...

– Я!

– Масленников...

– Я!

– Кравец...

2

Космонавтов для полёта, так же как экипажи подводных лодок, отбирают по принципу психологической совместимости. Об этом Кравец однажды делал доклад на семинаре по партийно-политической работе. Сокращенно – ППР.

По какому принципу формировался их выездной караул, он объяснить не мог. Может быть, согласно аббревиатуре главного училищного предмета, которую местные остряки расшифровывали как Полная Потеря Рассудка... Иначе с какой стати выполнять «боевую задачу в мирное время» (так в Уставе гарнизонной и караульной службы определён караул) поручили людям, на дух не переносящим друг друга?

Взять сержанта Шалова. Его не любил даже подхалим Мэсел. Да и за что любить вёдливового младшего командира, бесконечно делающего замечания, сующего нос в каждую прикроватную тумбочку и, что самое обидное, постоянно доносящего на своих подчинённых Бабе Кате?

– Ну и гад этот Шалов, – перешёптывались курсанты. – Так ж... рвёт, как будто по выпуску лишнюю звёздочку на погоны получит!

И то верно. Было бы дело в войсках, где сержант, как правило, старшего призыва: «дед» или «дембель». Ему, как говорится, с молодыми солдатами детей не крестить. Он отыгрывается на них за собственные унижения, перенесённые в начале службы. Но в военном училище младший командир – это тоже курсант. И выпустится он таким же лейтенантом, как и те, кем помыкал, нося сержантские лычки. Потому-то, если ведёт он себя не по-товарищески, сам собой напрашивается вывод, что повинно в этом не служебное рвение, а натура.

Сергей Нуратдинович Шалов (сказалась ли кровь «гордого кабардинского народа» или родство с генералом, занимающим пост в Министерстве обороны) смотрел на всех свысока. В отличие от других сержантов требовал к себе обращения только на «вы» и по воинскому званию. Сам же с курсантами в выраженьях не стеснялся.

Бывают люди, у которых даже положительные качества превращаются в недостатки. То же было и с Шаловым. Он отлично владел английским. На занятиях по иностранному языку получал одни пятерки, но консультировать сослуживцев отказывался. Шалов никогда не расставался со словарём и то и дело вставлял в свою речь английские словечки, подчёркивая, что готовится к карьере военного дипломата. Впрочем, свои дипломатические способности он проявлял только в присутствии ротного или преподавателей. Перед ними изображал из себя блюстителя уставных норм, надевал маску заботливого и доброго командира.

Двуличие Шалова больше всего и раздражало Кравца. Однажды он сочинил что-то вроде эпиграммы. Текст был незамысловатым:

Шалов, наш сержант, с пелёнок
Был по всем статьям подонок.
Он в строю на нас рычит,
Ну а за спиной стучит...

К эпиграмме прилагался шарж, на котором Шалов изображён был в чём мама родила. Причём его мужское достоинство представлялось в виде молота, которым он колотил в дверь с табличкой «Канцелярия роты». Из-за двери с испуганным лицом выглядывал некто, очень похожий на капитана Епифанцева.

Кравец прочитал эпиграмму и показал рисунок Юрке Захарову. Тот сначала покатился со смеху, а потом предостерёг:

– Порви! Попадёт в руки к комоду¹ – загремишь под фанфары...
И накаркал!

Кто хотя бы раз познал муки творчества, поймёт, как трудно автору уничтожить своё детище. Хочется поделиться содеянным с окружающими, услышать одобрительные отзывы, погреться в лучах славы... Кравец, не послушал Юрку, показал шарж ещё нескольким курсантам из своего отделения. Окрылённый их восторгами, решил сохранить рисунок на память. Спрятал его в святая святых – конспектах произведений Владимира Ильича Ленина. Надеялся: здесь шарж никто не обнаружит. Потом забыл о нём. Конспекты дал переписать кому-то из однокурсников. Тот ещё кому-то...

Кравца вызвали в канцелярию неожиданно, перед самым отбоем. Пока он шёл мимо товарищей, расправляющих кровати, судорожно перебирал в уме поводы, по которым мог понадобиться ротному. Никаких провинностей за собой не припомнил.

В кабинете находились Епифанцев и Шалов. Сержант стоял у стены, а ротный нервно прохаживался от стола к двери.

– Товарищ капитан, курсант Кравец по вашему приказанию...

– Чта эта? – Епифанцев, как фокусник, извлёк откуда-то тетрадный листок и сунул под нос Кравцу. Тот с ужасом узнал свой шарж.

– Чта эта? – повторил командир роты. – Я вас спрашиваю, товарищ курсант?

– Шутка... – выдавил Кравец. – Просто шутка, товарищ капитан...

Баба Катя стал пунцовым: нос, лысина, белки глаз. Казалось, даже просвет на погонах ротного из голубого, как положено в авиации, сделался бордовым, точно у вэвэшника.

– Шутка! Да ты... Как пасмел издеваться над свaim камандирам? – переходя на «ты», взвизгнул он.

– Это подрыв единоначалия... – поддакнул Шалов.

– Я ничего не подрывал... – попытался оправдаться Кравец.

– Ма-алчать! – голос ротного стал ещё пронзительней. – Я тебя...

Капитан минут десять орал, всё больше заходясь от собственного крика. Он то подскакивал к Кравцу, потрясая кулачками, то отпрыгивал в сторону и топтал хромовыми сапожками, сшитыми на заказ и вызывающими зависть у всей роты отглаженными, блестящими голенищами. Но сейчас Кравцу было не до любования капитанскими хромочами.

Под шквалом упреков и угроз он стоял – руки по швам, тупо уставясь в одну точку: «Точно, “губы” не миновать... А то и отчислят...»

Взрыв командирского гнева закончился непредсказуемо.

¹ Командир отделения (*курсант. жаргон*).

– Товарищ Шалов, я решил назначить курсанта Кравца редактором ротной сатирической стенгазеты. – Баба Катя ещё раз, словно любуясь, взглянул на злополучный рисунок и спрятал его в сейф. Повернул ключ в замке и подвёл резюме: – Картинку я сохраню для истории, а этот Кукрыникса пускай свои таланты употребит на перевоспитание нарушителей воинской дисциплины...

Шалов попытался возразить:

– Товарищ капитан, но...

Ротный никаких «но» не терпел:

– А вы, что, товарищ сержант, сразу хатели отличника учебы на гауптвахту отправить? За наличие чувства юмора? Вы знаете, что классики марксизма-ленинизма говорят: главное – не наказание, а убеждение...

– Так точно, – нехотя согласился Шалов.

– Ладна, идите, – отпустил подчиненных капитан, напоследок произнес фразу, которая в отношении Кравца стала крылатой. – Запомните, курсант, здесь вам не лицей!

Когда вышли из канцелярии, Шалов процедил сквозь зубы:

– Зря радуешься, бэби... Не надейся, легко не отделаешься...

С той поры и стал Кравец у командира отделения чем-то вроде мальчика для битья. Как только подвернется наряд или грязная работа, не ходи к гадалке, отправит Кравца. Или за якобы несвежий подворотничок и плохо надраенные сапоги лишит увольнения. Но что хуже всего – перед строем отделения начнёт отчитывать: мол, отличник, а дисциплину нарушает – на самоподготовке художественную литературу читает, на построения опаздывает... А как тут не опаздывать, если из-за бесконечных нарядов всегда спать хочется? Ну, вздремнул Кравец пару раз за партой, не услышал команды... А вот книжки – совсем другое дело. Он читает их только потому, что все задания уже выполнил. Не играть же в карты, как остальные, не считать ворон за окном, мечтая о грядущем отпуске? Но разве всё это объяснишь тому, у кого ты, как бельмо в глазу? Шалов даже собрание комсомольской группы организовал с повесткой: «О поведении комсомольца Кравца». Оно было разыграно как по нотам. Шалов сделал доклад. С критикой в адрес Кравца выступили трое курсантов, явно подготовленные командиром отделения. Особенно старался Мэсел.

О его роли в истории с шаржем Кравец узнал случайно. Мэсел сам проговорился, когда они раскапывали аварийную теплотрассу.

Кравец давно заметил, что у коммунальных трубопроводов существует свой закон: аварии случаются всегда в непогоду. Вот и этот прорыв теплотрассы пришёлся на промозглый октябрьский день. Отделение подняли по тревоге прямо с самоподготовки, а завтра ожидалась контрольная по высшей математике!

В разрытой накануне траншее грязь чавкала под ногами. Дождало. Все перемазались, как черти, и промокли, словно водяные. Но самое противное: в напарники Кравцу достался Мэсел!.. Вместо того чтобы поскорей сделать то, что им поручили, он постоянно устраивал перекуры или просто стоял, опершись на лопату. На замечание отпарировал:

– Хочу и курю. Это тебе, Кравец, надо стараться... Ты же на крючке у Бабы Кати висишь со своими рисуночками...

– А ты откуда знаешь про шарж? – вскинулся Кравец.

– А? На комсомольском собрании говорили...

– Врёшь! Про это не говорили... А если ты о рисунке знаешь, то... ты и заложил меня Шалову!

– Нужно мне тебя закладывать... Это он мне рассказал, как тебя Баба Катя выдрал!

– Опять врёшь! Не станет Шалов рассказывать, как опарафинился!

– Ну, хотя бы и так! Только называется это, Кравец, по-другому. Не «заложил», а «доложил»! Имею право... Что, по-твоему, настоящий комсомолец должен терпеть, когда рядом с

ним порнографию распространяют? А воинская честь? Я, как и положено по уставу, до-ло-жил своему непосредственному командиру... Скажи лучше спасибо, что прямо в парткомиссию твои картинки не попали!

Упоминание об училищной парткомиссии, секретарём которой был родной дядя Мэсела, окончательно вывело Кравца из себя:

– Ну и сволочь ты, Мэсел! – Он отбросил лопату и шагнул к недругу.

Обычно трусливый, Мэсел тут не сдрейфил. Обложил Кравца матом и вкатил ему такую оплеуху – аж искры из глаз посыпались. Кравец устоял на ногах и ответил прямым ударом. Мэсел опрокинулся на спину, но тут же вскочил и, оскалившись, как самурай, бросился на Кравца с лопатой в руке. Ударить не успел или побоялся – их оттащили друг от друга.

– Кравец, за драку будешь отвечать по полной программе... – сразу нашёл виновного Шалов. – Я тебе устрою экскурсию на кичу!

Однако обещание своё он не выполнил – всех троих назначили в выездной караул. Одна радость – туда же попал и Захаров.

– Слушай, Юрка, – спросил Кравец после поверки, – ты что-нибудь понимаешь? Почему Шалов взял нас в выездной? Он же нас терпеть не может... Меня, по крайней мере...

– Шут его знает, Сань, чё ему на ум взбрело?.. Может, и не он составлял караул...

– А кто тогда?

3

Инструктаж Епифанцев начал высокопарно:

– Таварищи курсанты! Вам доверена высокая честь – паехать в выездной караул. Этай чести вы удостоены как пабедители сациалистическава саревнавания в честь истарическава двадцать пятава съезда КаПаэСэС. Вы учитеь без троек и патаму, надеюсь, справитеь с пас-тавленнай задачей...

Кравец чуть было не заорал: «Слава КПСС!», да вовремя сдержался – руководящую и направляющую силу советского общества в стенах училища всеу поминать было не принято. Да и как иначе? Коммунистическая партия Советского Союза – альма-матер всех политиче-ских училищ. В январе 1967 года ЦК партии принял постановление «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте», по которому и был создан институт ротных политработников, открыто несколько военных училищ, в том числе и Курганское высшее военно-политическое авиационное. Оно же – КВАПУ.

Правда, ещё одно обстоятельство удержало Кравца от готовой сорваться с языка здра-вицы. В седьмой роте, вопреки расхожему анекдоту, что «Слава КПСС» – вообще не человек, был курсант с таким именем и фамилией. Ненец по национальности.

В училище ежегодно принимали представителей разных народов СССР. В роте были украинцы, белорусы, азербайджанец, грузин, узбек, гагауз... Словом, весь интернационал – налицо. Кроме немцев и евреев. Последних, по какому-то негласному распоряжению, в учи-лище не брали.

Слава Капээсэс (именно так в военном билете и было записано) отличался от остальных не только фамилией, но и каким-то необыкновенным трудолюбием. Большую часть времени он, кривоногий и невзрачный, проводил в подвале казармы, где была устроена слесарно-сто-лярная мастерская. Слава всегда что-то строгал, пилил, сверлил. Ни на какие построения он не являлся. Даже в столовую приходил самостоятельно, а не с ротой. В казарму поднимался только перед отбоем. Книг никогда не читал, конспекты не переписывал. Как он сдавал экза-мены и зачёты, для однокурсников так и осталось тайной. Наверное, ему просто ставили тройки за происхождение и «золотые руки». Но забавнее всего, как Слава ездил в отпуск. Его отец-оленовод постоянно кочевал где-то за полярным кругом.

- Кагда вернетесь, Капээсэс? – строго спрашивал Славу ротный.
- Когда пурга кончица, однако, – невозмутимо ронял тот.

Точно. Все остальные курсанты, прибыв в положенный срок, успевали проучиться уже добрую половину следующего семестра, а Слава только появлялся в училище, всё такой же невозмутимый.

- Самолета не летал... – докладывал он Бабе Кате. И Славе всё прощалось.
- Слава, а почему у тебя фамилия такая необычная? – как-то поинтересовался Кравец.
- Зачем необычная? – удивился Капээсэс. – Кароший фамилия. Отец давал. Он у меня – б-а-альшой коммунист, однако. Главный в совхозе... – Слава надолго замолчал, потом сказал совсем неожиданное: – Сам отец другой фамилия имел.
- Какой? – Кравец невольно перешёл на ломаный язык.
- Олесов.
- Как же так: отец – Олесов, а ты – Капээсэс?
- Разве невозможно? – снова удивился Слава.
- У русских так не принято...
- Плохо...
- Отчего же плохо?

Слава внимательно посмотрел на Кравца: не подшучивает ли тот, и сказал с глубоким убеждением:

– Отец – главная в семье. Как захочет, так и правильно. Он в сельсовет меня записать приехал. Над сельсовет плакат висит: «Слава КПСС!» Отец обрадовался. Значит, Торум его сыну имя подарил...

- Торум это кто, председатель сельсовета?

Лицо Славы окаменело:

- Торум – это бог!
- Слава, ты же сказал, что твой отец – большой коммунист... Как же он может верить в Бога? – усомнился Кравец.

– Разве невозможно? – изумление Капээсэс было таким неподдельным, что Кравец только рукой махнул: о чём разговаривать с дитём природы?..

Капээсэс вспомнился Кравцу неспроста. В этот самый момент Епифанцев, успевший уже рассказать, что можно и чего нельзя делать в выездном карауле, заговорил, как раз про Славу:

– Не забудьте атремантировать ящик для баеприпасов. Курсанты из семьдесят четвертава раскалатили его в прошлом карауле... Как умудрились? Железный ведь... Капээсэс я задание дал... Всё нада сделать сегодня. Выезд завтра в семь тридцать от штаба училища. Ясна?

- Так точно, – за всех ответил Шалов.

– Харашо. А теперь распишитесь в журнале инструктажа... Каждый – напротив сваей фамилии.

– Для чего расписываться-то? – шёпотом спросил Захаров у Кравца, пока Шалов ставил свою подпись в амбарной книге на столе у Бабы Кати.

- Ротный страшется... Вдруг с нами что случится...

– Типун тебе на язык!

- Разговорчики! – призвал к порядку Епифанцев.

После инструктажа Шалов отправился в штаб за караульной ведомостью и проездными документами. Захарова и Мэсела он послал с накладной за сухпайком. Кравцу, как тот и предполагал, поручил починку ящика.

– Потом, май дарлинг, пройдёшь на вещевой склад к прапорщику Нечитайло. Захаров и Масленников подойдут туда же. Получите полушубки и телогрейки. Ю андестенд? – Шалов был в приподнятом настроении.

– Понятно, – буркнул Кравец. Но, отойдя, улыбнулся: никакой Шалов не может отравить радость от предстоящего караула.

Так, улыбаясь, и зашёл в мастерскую.

– Зачем смеёшься? – поинтересовался Слава, отрываясь от работы. На верстаке лежал ящик, над замком которого он колдовал.

– Разве невозможно?

– Можно. Только потом, однако. Когда снова в училище приедешь...

– Я в приметы не верю.

– Ты стрелять умеешь? – неожиданно спросил Капээсэс.

– Умею. На стрельбах пятерку получил...

– А белка в глаз попадешь? – хитро прищурился Слава.

– Не знаю.

– Плохо. В караула надо стрелять метка...

– А ты сам-то белке в глаз попадал?

– Попадал, однако...

– А в караул тебя не взяли! – отыгрался Кравец. – В общем, ты мне зубы не заговаривай, ящик чини, а то у меня дел по горло...

4

Полушубки были ослепительной белизны, не надёванные ни разу. Начальник склада прапорщик Нечитайло, выдавая их, запричитал:

– Загубитэ таку красу, бисовы дэти! Який командир зрозумив у караул таку нову вещь видаваты? Там жэ гряз, копот... Глядыте, хлопчики, вы ж мэни за них головой отвечаетэ!

– Ответим, товарищ прапорщик. Не беспокойтесь! – примеряя полушубок с серебристым мехом на отворотах, отозвался Захаров и крутанулся перед Кравцом. – Ну, как, Сань, идёт мне такой прикид?

– Хоть в кино снимай! В фильме «Морозко»...

– В роли Бабы-Яги... – тут же ввернул Мэсел.

– На эту роль ты уже кинопробы прошёл... – вступился за друга Кравец, но дальше тему развивать не стал. Ссориться не хотелось. Даже с Мэселом.

Полушубки действительно были загляденье.

– Почему нельзя прямо в них из училища поехать? – вслух стал размышлять Кравец, прикидывая, что в таком наряде было бы неплохо прошвырнуться по улицам Кургана: вдруг кто-то из знакомых встретится...

– Это караульная форма одежды, а не повседневная, – загубил мечты невесть откуда взявшийся Шалов. – Рашн коллорит... Он в деревне хорош да на посту. А в городе тебя первый же патруль сцапает...

– Так ведь тащить сколько... – тут же застонал Захаров. – Сухпай, боеприпасы, полушубки, телогрейки, автомат, подсумок... Так и пупок развяжется, товарищ сержант...

– Своя ноша рук не тянет! Ты, Захаров ещё не успел за ворота училища выйти, а уже ноешь. Вспомни, как в уставе сказано: военнослужащий обязан стойко переносить тяготы и невзгоды военной службы...

– Так то – тяготы. Они не в килограммах измеряются, а тут на каждого по два пуда придётся...

Утром, когда Шалов построил их, чтобы ещё раз проверить готовность снаряжения, оказалось, что ноши и впрямь больше, чем рук у караула. Четыре вещмешка, набитых до отказа. Сверху приторочены скрученные в скатку полушубки. Ящик с боеприпасами и документацией. Автоматы в чехлах да ещё две тяжёлые коробки с сухпайком. Телогрейки, не поместивши-

еся в вещмешки, курсанты вынуждены были надеть под шинели, отчего сразу приобрели мешковатый вид. Только сержант ухитрился впихнуть свою телогрейку в ящик для боеприпасов и теперь выгодно отличался от караульных. Его отутюженная шинель была перетянута офицерским ремнём, на котором красовалась кобура с пистолетом.

Это пижонство аукнулось Шалову, как только вышли из казармы и в сопровождении двух дневальных потащились к штабу. Ноябрьское утро выдалось морозным, и ветер пробирал насквозь. «Довыпендривался!» – злорадно подумал Кравец, заметив, как скукожился ещё минуту назад такой бравый комок. Даже в шинели с телогрейкой было совсем не жарко. Но холод не мог остудить азарт и предвкушение приключений. От Кравца не ускользнуло, с какой завистью смотрели на них, волокущих свои мешки и коробки, курсанты, чистившие заснеженный плац. «Скребите, ребята! Помните, что только труд превратит курсанта в человека!»

У штаба уже урчал дежурный Газ-66. За рулем – сержант из роты обеспечения. С ним рядом – помощник дежурного по училищу, лейтенант. Он дал знак: загружайтесь скорее. «Шалову опять не повезло: рассчитывал прокатиться в кабине... Так оно и было бы, если б дежурной машиной оказался ЗИЛок!» – ухмыльнулся Кравец и тут же получил нагоняй:

– Тебе что, особое приглашение надо? Чего сопли жуёшь!

Быстро закидали экипировку в кузов и устроились на откидных сиденьях.

– Кравец, старший по левому борту. Я по правому, – определил Шалов диспозицию и постучал по кабине. – Поехали!

В считанные минуты промелькнула главная аллея училища, домик КПП с заспанным дежурным. Справа потянулся зелёный забор. Потом его заслонила берёзовая роща. Замаячили четырехскатные крыши увальских домиков, засыпанные снегом. Вот и поворот на Звериноголовский тракт. Постамент с устремлённым в небо МиГом, на котором выведено красной краской: «Слава советским авиаторам!» И опять берёзы, сосны с двух сторон. Знакомый, много раз виденный из окна рейсового автобуса – «шестерки» – пейзаж. Сейчас, в сумеречном утреннем свете, он показался Кравцу иным. Более суровым и, как ни странно, более красивым. «Наверно, так виделись родные места уходящим на войну», – пришла мысль. Но развить её он не успел. «Газик» пошёл под гору и выкатился в степь. Она раскинулась до самого города, являя собой тот самый «оперативный простор», который, по словам Бабы Кати, не в силах преодолеть ни один самовольщик. Что и говорить, пять километров по снежному полю – расстояние немалое! Но смельчаки в роте всё-таки находились. Правда, Кравец не из их числа. Не из боязни, что не дойдёт до Кургана и замёрзнет в степи, как ямщик из народной песни, а скорее по идейным соображениям. Самоволка не вписывалась в его жизненные принципы, в понятие воинской чести. Хотя было бы ради кого, может, и рискнул бы... Особенно в белом нагольном полушубке, что нынче приторочен к вещмешку! «Этот бы полушубок да сейчас на плечи, а то во все щели свистит!»

Наконец добрались до дамбы. Переехали через замёрзший Тобол и очутились в Кургане. Областной центр уже проснулся. На остановках толпился рабочий люд. Было совсем светло, но уличные фонари ещё горели. «Обычное раздолбайство по формуле: всё вокруг советское, всё вокруг моё!» Притормозили на перекрестке у ЦУМа и, двигаясь дальше, собрали по пути все красные светофоры. Такие уютные летом, улицы Кургана сейчас были стылыми и навевали тоску: Ленина, Советская, Горького... Проехали городской парк. Напротив центрального входа, словно в насмешку, располагалось здание комендатуры – старинный двухэтажный особнячок из красного кирпича. Захаров и Кравец переглянулись. Резиденция коменданта им была памятна по-своему...

Ещё на первом курсе, в начале марта, они были назначены в патруль по городу. «Не считайте, что вам повезло! – предупредил Гейман. – Смотрите, оттуда прямая дорога на “кичман”»... Напоминание было излишним. Известно всем, что в лапы к Шурику попасть легко, вырваться из них трудно. Шурик, он же Мясо, он же майор Мисячкин, слыл в курсантской

среде человеконенавистником и хамом. Был он таким по долгу службы или из-за трудного детства в послевоенном детдоме, неизвестно. Но лютовал страшно. Очутиться на «губе», независимо от числа нашивок на рукаве, было проще простого, тем паче когда целые сутки у него на глазах. Один вид Мисячкина вызывал отвращение. Красное, пористое лицо, нос, иссечённый сиреневыми прожилками, бесцветные глаза и скрипучий голос. Таким только детей пугать!

Прибыли Кравец и Захаров в комендатуру с легким мандражом. Не успели расположиться в комнате для патруля, как влетел комендант. Они вытянулись, не зная, чего ожидать.

– Так, значит, вы – новые патрульные, – глаза-буравчики просверлили их насквозь. – Первокурсники, значит... Хорошо... Так вот, товарищи курсанты, нам предстоит ответственная задача, – Мисячкин сделал ударение на слове «ответственная», – задержание неизвестного. Поступила информация: на железнодорожном вокзале находится подозрительный человек в полувоенной форме. Слушай боевой приказ! Сейчас отправляемся на вокзал. Будем действовать так: я подойду к субъекту с фронта и спрошу документы, а вы, значит, зайдёте с флангов и будете внимательно следить за его руками. В случае неадекватного поведения, хватайте и держите, пока не прикажу отпустить! Уразумели? – совсем не по-военному спросил он.

– Так точно, товарищ майор!

Неизвестный субъект оказался крупным мужчиной лет сорока пяти. Он сидел за столиком в привокзальном кафе, не снимая парадной шинели с погонами подполковника. Из-под полы выглядывали цивильные брюки. На голове незнакомца была шапка из какого-то дорогого меха. На столике стояли бутылка армянского коньяка и тарелка с тонко нарезанным лимоном. При взгляде на лимон у Кравца свело скулы.

– Предъявите ваши документы! – строго потребовал Мисячкин, выставив левую руку с повязкой «Офицерский патруль».

– Па-жал-ста, – незнакомец окинул майора внимательным взглядом и полез во внутренний карман. Курсанты напряглись. Но ничего страшного не случилось. Незнакомец предъявил Мисячкину удостоверение в красном переплёте.

Комендант долго вертел его в руках.

– Вам придётся проехать в комендатуру для уточнения некоторых деталей.

Незнакомец медленно встал. Только тут Кравец увидел, какой он громадный – выше его на две головы, не говоря уже о коренастом Захарове. Между тем задержанный не оказал им никакого сопротивления и спокойно прошёл к «уазику» коменданта. Они следовали по пятам и являли, наверное, довольно забавную картину – этикие лилипуты, конвоирующие Гулливера. В эти минуты Кравец страха вроде бы не испытывал. Страх возник позднее, когда в комендатуре Мисячкин, наставив на незнакомца пистолет, предложил предъявить содержимое карманов. Среди вещей незнакомца оказались ТТ с полной обоймой и пачка двадцатипятирублевых. Держа неизвестного на мушке, комендант позвонил дежурному по КГБ области. Вскоре к комендатуре подкатила чёрная «Волга». Из неё вышли четверо в штатском. Они увезли задержанного. Кто он такой, так и осталось загадкой.

– Наверное, Юрка, мы поймали шпиона... – предположил Кравец, когда они вернулись в роту.

– Станет тебе шпион с «тэтэшкой» расхаживать! У шпионов небось «пушки» поновей будут...

– Ну, тогда это – матёрый бандит. Видел, какая рожа?

– Ну, рожа... Хотя, был бы он бандит, мы бы с тобой сейчас здесь не сидели... У него кулачищи, как у меня голова... – Захаров сделал страшное лицо и неожиданно предположил: – Я так скажу, Сань, если этот, в форме подполковника, – важная птица, нас к награде представят. К государственной!

– Ты загнул, к «государственной»... Считай, мы и так с тобой награждены: сутки возле Шурика пробыли и не на «губе»!

Мисячкин, и верно, за время дежурства к ним не придирались, а в конце наряда даже пообещал походатайствовать о поощрении. Слова своего, правда, не сдержал. Но происшествие в патруле запомнилось надолго. Оно ещё больше сблизило Кравца и Захарова. Не зря говорят, что испытания укрепляют дружбу.

5

Приключения, о которых мечталось в КВАПУ, начались сразу же – на курганском вокзале.

Поклажу выгрузили и по частям перетаскивали в зал ожидания. Шалов отправился за билетами. Поскольку воинской кассы на вокзале не было, процесс покупки обещал затянуться.

Кравец осмотрелся.

Зал был забит до отказа и поражал разнообразием пассажиров. Почтенные семейства: муж, жена, дети. Путешественники-одиночки, в основном мужчины средних лет или старушки с сетками, вязаными кошелками и дерматиновыми сумками. Сновали туда-сюда какие-то тёмные личности. Милиционеры прохаживались с безразличным видом. Военных людей, кроме их караула, не было. Да и откуда им взяться, если во всём Кургане воинских организаций – только училище да военкомат...

У Кравца сами собой сложились строчки:

На вокзале суета людская,
Люди честные и люди разные,
Пробираются в толпе, толкаясь...

Дальше ничего не приходило на ум. Кравец хотел записать родившееся, но для этого надо было лезть в вещмешок за заветным блокнотом и авторучкой. На глазах Мэсела делать этого не хотелось – опять начнёт ехидничать.

Кравец снова оглядел людское скопище. Его внимание привлекла одна бродяжка. Таких зовут «синявками». Она уселась на цементный пол прямо напротив курсантов. Достала из сетки чекушку, заткнутую обрывком газеты, и алюминиевую миску, такую же, как в училищной столовой. Зубами вытащила затычку. Перелила содержимое «мерзавчика» в чашку и накрошила туда серого хлеба. Потом размешала спиртовую тюрю ложкой и неторопливо принялась хлебать, поводя вокруг мутными глазами, причмокивая и громко икая.

Кравца передёрнуло: «Откуда берутся такие? Неужели и эта старуха – тоже советский народ?..» Он испугался собственной крамолы и постарался найти какое-то внятное объяснение увиденному: «Может, она и есть один из тех буржуазных пережитков, о которых нам говорили на научном коммунизме?.. Пережитки эти не изжиты, с ними надо бороться!» Его осенило: «Наверное, у неё родители были пьяницы... И не нашлось рядом настоящего человека, который помог бы отыскать правильную дорогу в жизни... Для того и нужны коммунисты, чтобы помогать таким, как она... Но как помогать? Дать ей денег? Так она потратит их на новую бутылку... Да и не видно что-то желающих помочь... Хотя, наверное, среди тех, кто в зале, есть и коммунисты, и комсомолы... Мы, например... Да, как-то трудно представить себя в роли спасителя этой грязной, вонючей... Язык не поворачивается сказать – женщины...»

Кравец почувствовал, что его замутило.

– Я ненадолго... – сказал он Захарову, передал ему автомат и вышел из зала.

Туалет размещался в подвале. Туда вели плохо освещённые ступени. «Как будто в наш подвал...»

Кравец рос у матери-инвалида один, без отца. С семи лет на нём была заготовка дров. У них в квартире стоял титан, который топился два раза в неделю. Для него и требовались дрова.

Подвал в доме пользовался дурной славой. Там постоянно околачивались пьяные мужики и хулиганы-подростки. Каждый поход требовал от Кравца изрядного мужества. Однажды его сильно напугал бродяга, внезапно вышедший из неосвещённого угла. Он широко расставил руки, словно хотел его схватить. Кравец увернулся и убежал. После этого случая он ходил в подвал с топором на изготовку.

Вот и сейчас Кравец невольно нащупал на боку штык-нож в пластмассовых ножнах.

Едва он открыл дверь туалета, как услышал крик:

– За-ре-за-ли! Ка-ра-ул!

Мимо него по лестнице наверх метнулся мрачный тип.

Кравец растерялся: бежать следом или посмотреть, что случилось в туалете?

Очередной крик заставил его шагнуть в туалет.

Там он увидел плюгавенького мужика, присевшего у стены с писсуарами. Мужик был без пальто. Двумя руками в синих наколках он зажимал бок. По его замызганной рубашке расплозлось багряное пятно.

– Кюрсантик, родимай! – просипел он. – Подь сюда...

Кравец опасливо приблизился. Мужичок разжал руки и обнажил резаную рану, из которой толчками выхлёстывала кровь. Кравец невольно попятился.

Мужик взмолился:

– Кюрсантик, постой! Уважь, посци на рану...

– Зач-чем?

– Чтoб за-ра-же-ния не бы-ло!

– Нет-нет, я не могу... Вы подождите, я сейчас... Я доктора... – Кравец бросился к выходу.

– Не надо док-то-ра! – взвыл раненый.

Но Кравец уже бежал наверх, перескакивая через ступени.

Когда он с фельдшером из медпункта и дежурным милиционером вернулся в туалет, там уже никого не было. Только тёмная лужа в углу говорила, что резаный мужик ему не привиделся.

– Шпана вокзальная разборки устраивает, – констатировал старшина. – Ну, что, будем составлять протокол или ты ничего не видел?

– Мне некогда составлять протокол, я в карауле...

– Ну, води к своему начальнику!

Шалов уже рвал и метал:

– Где тебя носит, Кравец? Мы же на поезд опоздаем... Что он натворил, товарищ старшина?

– Не натворил, но является свидетелем преступления...

– Свидетелем... У нас поезд отправляется через десять минут да ещё куча вещей!

– Да я и не настаиваю, – старшине самому, как видно, не хотелось «вешать» на своё дежурство «палку» – трудно раскрываемое преступление. – Как твой подчинённый скажет...

– Ну, что, Кравец, говори... – Шалов всем видом показывал, что альтернативы нет.

– Можно мы не станем составлять протокол? – Кравец был противен самому себе.

– Ладно, валяйте! Счастливого караула! – козырнул старшина.

– Тебя, Кравец, ни на минуту нельзя оставить! Вечно ты во что-то влипаешь! – сказал Шалов. – Бери вещмешок и живо на платформу!

– А куда мы едем, товарищ сержант? – До последнего момента адресом их командировки был некий «почтовый ящик» с четырехзначным номером. Но что это за «ящик» и где он располагается, Шалов важно называл «военной тайной». Он и сейчас продолжил гнуть своё:

– Много будешь знать – скоро состаришься.

Но шила-то в мешке не утаишь.

– Груз будем получать в Копейске, – шепнул Кравцу Захаров. – Я видел в билете у Шалова... Это же рядом с твоим домом!

– Чего же он нам не говорит?

– Боится, чтобы ты в самоволку не рванул!

От Копейска до Колгино и в самом деле было всего пятнадцать километров! На душе у Кравца посветлело. Забрезжила надежда – вдруг удастся оказаться дома хотя бы на минуту!

В поезде Шалов неожиданно сделался благодушным:

– Мы все – теперь одна команда. Надо держаться друг друга: вы за меня, а я за вас!

«За такого поддержишься...» – переглянулись Кравец и Захаров. Только Мэсел поддакнул комоду:

– Так точно, товарищ сержант. Можете на нас рассчитывать!

«Кого же он мне напоминает? – подумал Кравец. – Ах да! Шакала из мультфильма о Маугли... Что ж, хотя мы и одна команда, но, вопреки тому же мультику, кровь у нас разная...»

До номерного завода добрались, когда уже надвинулись сумерки. Разместив курсантов и багаж в комнате для охраны, Шалов пошёл в заводоуправление.

– В военную приёмку, – с видом знатока пояснил Мэсел. Кравец его не слушал. Он вернулся к мыслям о близком доме, о маме.

В комнате было жарко. Разморённый, Кравец незаметно задремал. Следом за ним все остальные.

– Рот-тя, подъём! – разбудил их Шалов, передразнивая старшину роты Геймана. Они заученно вскочили с мест.

– Я же предупреждал: сразу всем спать нельзя! – нравоучительно заметил сержант. – Кто-то один должен бодрствовать, следить за оружием! Ю андестенд?

– Понятно...

– Ол райт! Значит, так. Груз нам подадут в теплушках к заводскому тупику через три часа. Не раньше! Сейчас пойдём в заводскую столовую. Я договорился, нас покормят. Потом будем ждать погрузки... Ну, что ты на меня так смотришь, Кравец? Домой хочешь? Да тебя же одного отпустить никуда нельзя... Ты же – настоящее ходячее происшествие...

– Товарищ сержант, а вы отпустите меня не одного, а с Захаровым... – с разгоревшейся надеждой попросил Кравец. – Тут же рядом. Мы тачку возьмём и одним махом туда и обратно... У нас, в Колгино, никаких патрулей... А, товарищ сержант?

Шалов в этот вечер не походил на себя.

– Может, и правда отпустить... А водки привезёшь?

Кравец не сразу нашёлся с ответом.

– Постараюсь...

– Ну, смотри! И ты смотри, Захаров. Не только за собой, но и за ё фрэнд... Опоздаете, я с вас три шкуры спущу, – с добренькой улыбкой напутствовал Шалов. – Да, сдайте штык-ножи и про водку не забудьте! Здесь быть в двадцать ноль-ноль и ни минутой позже!

– Будем, товарищ сержант!

Ещё не веря в происходящее, они выбежали из проходной мимо вохровца, над головой которого висел старый, полуистёршийся лозунг: «Товарищи рабочие, инженеры и техники! Строго храните государственную тайну!» Кравец успел заметить, что стрелки на часах над дверью показывали половину шестого: «Успеем!» По протоптанной тропинке припустили вдоль забора, сверху опутанного колючей проволокой. Им повезло. В последний момент заскочили в отходивший автобус, который довёз их до автовокзала. Там удачно поймали такси. Молодой чернявый водитель за пятёрку – месячная «стипендия» второкурсника – согласился «пулей» домчать их до Колгино и подождать полчаса, если оставят денежный залог, равный стоимости обратной дороги. «Какой разговор! Получишь, только дождись!»

Старенькая, постанывающая на ухабах «Волга», невзирая на возраст, резво взяла старт. Вскоре слева замаячили отвалы угольного разреза, как пояснил Кравец Захарову, самого глубокого на континенте. Даже во тьме были различимы берёзки, выросшие на старой насыпи. Новая – голой громадой высилась за ней, как настоящая, а не рукотворная гора...

Вот и бронзовый шахтёр с отбойным молотком на плече у въезда в пригород. Извилистые улочки поселка Тимофеевки. Бассейн. Двухэтажный вокзал и, разделённая яблоневою аллеей улица Ленина. Парикмахерская. Книжный магазин. Ресторан «Урал». А вот и родной дом.

Как на крыльях, взлетели на третий этаж. Кравец позвонил и прислушался. Сердце стучало гулко. «Да нет же, это мамина палочка стучит о пол...»

– Кто там? – спросил из-за двери родной голос.

– Это я, мама, открой!

Глава вторая

1

Телеграмму подполковнику Кравцу вручили ранним утром. Дежурный по мотострелковому полку, где Кравец служил заместителем командира по воспитательной работе, вместо обычного доклада о положении дел торопливо сунул ему телеграфный бланк.

«Срочно приезжай воскл знак мама тяжёлом состоянии тчк Анна Якимовна», – прочитал Кравец сообщение, которое уже несколько лет боялся получить. Поначалу он не обратил внимания, что телеграмма пришла на адрес войсковой части, а не домой, что на бланке нет необходимой в таких случаях подписи врача, заверенной на почтамте.

На это сразу же указал ему командир полка полковник Смолин, к которому обратился Кравец.

– Всё понимаю, комиссар, – так, по старинке, Смолин обращался к своему заму, – понимаю, но официально, в отпуск по семейным обстоятельствам, отпустить не могу. Тут буча какая-то закручивается. Сегодня в четырнадцать ноль-ноль комдив собирает весь офицерский состав. Что будет на совещании, пока даже мне неизвестно. А ты знаешь, какие у меня в дивизии «уши»...

Кравец кивнул, мол, помнит, что супруга командира работает в секретной части. Благодаря ей в полку раньше соседей узнают обо всём, что планирует командование.

– Как мне поступить, Сергей Владимирович?

– Ну, что ты вопросы задаёшь, ёкарный бабай, как будто первый год в армии... Иди к начмеду. Я позвоню, чтобы сварганил тебе освобождение денька на три. У тебя же мать где-то под Челябинском – успеешь обернуться. Ну а если, не дай бог, что-то серьёзное с ней, дашь телеграмму на моё имя по всей форме...

– Спасибо, командир, – поблагодарил Кравец, а про себя подумал, что, наверное, серьёзней не бывает, иначе Анна Якимовна, мамина соседка и его бывшая учительница, вызывать бы не стала.

Смолин приобнял заместителя за плечи:

– Ну что ты, Саня: мать – это святое! Возьми мой узик. Заедешь домой, соберёшь чемодан – и на автовокзал...

Домой Кравец заезжать не стал. С Тamarой он уже давно находился в состоянии «холодной войны», да и новость о болезни свекрови вряд ли произвела бы на жену впечатление. С его матерью она отношений не поддерживала. А отсутствие дома самого Кравца из-за частых командировок и ставших традиционными задержек на службе жена просто не заметит.

Всё необходимое для поездки было под рукой. Бритвенные принадлежности, полотенце, мыло и зубную щётку он извлёк из тревожного чемодана, хранившегося в кабинете. Денег перехватил у начфина. Уже год как денежное содержание выплачивалось нерегулярно и с задержкой на несколько месяцев, но у полкового финансиста денежки водились.

– С первой полочки отдам, – пообещал Кравец.

– Ого, когда она ещё будет... – хмыкнул начфин и тут же спохватился: – Да вы не беспокойтесь, Александр Викторович: когда сможете, тогда и отдадите...

Всю дорогу от Екатеринбурга до Челябинска, поёживаясь в стиле «Икарусе» и потом, в колгинском ЛиАЗе, Кравец думал о матери, вспоминал последний приезд к ней.

Уже несколько лет мать, которую он, любя, называл по имени и отчеству – Ниной Ивановной, едва передвигалась по своей хрущёвке, во двор выходила только с помощью соседей,

и то всё реже и реже. В больницу, невзирая на уговоры, ложиться наотрез отказывалась. Говорила, что её «болячки» – дело возрастное и никакие врачи тут не помогут.

Кравец всё же привёз к ней доктора из гарнизонной поликлиники. Он после осмотра сказал:

– Ваша матушка, подполковник, нуждается в постоянном уходе... С её хворями одной жить нельзя...

– Не знаю, что делать. Ко мне она ехать не хочет, мол, старое дерево на другое место не пересаживают. А для перевода к ней поближе нужно заключение ВВК²...

– Будет вам заключение, – пообещал врач и не обманул.

Через пару месяцев в отдел кадров управления по воспитательной работе округа такое заключение поступило. В нём значилось, что по состоянию здоровья матери подполковник Кравец А.В. должен быть переведён для дальнейшего прохождения службы в город Челябинск. Знакомый кадровик заверял Кравца, что перевод состоится в ближайшие месяцы. Однако прошёл год, а никаких перемен в службе не произошло. Кравец снова написал рапорт. Потом ещё и ещё... Ответа ни на один из них так и не получил.

– Дай взятку... – посоветовали ему. – Сейчас без этого ничего не добьёшься...

– Никогда на лапу не давал и тут не стану!

– Тогда перевода не жди...

– Почему? Мне же по закону положено...

– Какие теперь законы? Лучше обратись прямо к начальнику управления. Он ведь твой давний знакомый!

Кравец покачал головой: «Просить не буду!»

Конечно, он использовал любую возможность, чтобы заглянуть к матери. Едет ли в командировку, возвращается ли с учений... Благо от места службы до родного дома – всего двести пятьдесят километров. А от окружного полигона – и того ближе.

Последний раз он видел мать месяц назад. Ничего не предвещало резкого ухудшения её здоровья. Нина Ивановна, как всегда, улыбалась, шутила. У неё такая манера: не сосредоточиваться на своих болезнях, будто бы их и нет вовсе. Только взгляд был не такой, как обычно, а тревожный, пристальный. Или, может быть, это сейчас так припомнилось ему...

Говорят, что люди должны чувствовать, когда близким плохо. Может, это и так. А вот Кравец ничего не почувствовал. Наверное, слишком был занят разборками с Тамарой, служебными делами... Теперь корил себя за это и мрачнел всё больше.

В дверях маминой квартиры торчала записка: «Ключ у меня» – и подпись соседки.

Когда на его звонок Анна Якимовна открыла дверь, сердце у Кравца сжалось: неужели опоздал?..

– Нину Ивановну вчера на скорой увезли. Она в реанимации, я узнавала: у неё инсульт, – скороговоркой сообщила соседка и, заметив порывистое движение Кравца, удержала: – Куда ты, Сашенька? Сейчас не пустят. Утром вместе пойдём...

2

Два эскадрона несутся навстречу друг другу. Мёрзлые комья со звоном летят из-под копыт. Хрипят кони. Пена с боков летит клоками. Перекошены криком и ненавистью лица всадников. Над одной лавой трещит и мечется красный флаг, над другой – бело-зелёный, колчаковский.

² Военно-врачебная комиссия.

Сшиблись. Зазвенела сталь. Обагрился снег. Ржут кони, вертятся. Кричат раненные. Матерятся пока что уцелевшие. Вдруг двое, сойдясь в сече, встали на стремянах, застыли на миг, почти одновременно выдохнули:

– А-а!

– О-о!

– Ванька!

– Антон!

– Яд-рить ты в корень!

– Братка!

Соскочили со стремян. Обнялись. Тяжело отстранились.

– Ты с голопузыми? Какого рожна?

– А ты с мироедами?

– Ты ж офицер! Присягу давал!

– Кому? Царю? Так нет больше царя! Расстреляли...

– При чём тут царь? Ты России присягал... Присяга дважды не даётся!

– А я России и не изменял! Как служил ей, так и служу...

– Ты-то, может, и служишь, а вот внук твой...

– Какой внук, Антон? У меня дочке всего три года!

– Как это «какой»? Сашка... Он-то своей присяге точно изменил! – сказал Антон, и...

Кравец проснулся.

Он долго лежал, уставясь в потолок маминой комнаты, чувствуя себя усталым, как столетний старик. «А ведь деду Ивану было бы сто лет, доживи он до сего дня!»

...В больницу отправились, как было условлено, вместе с Анной Якимовной. В справочной узнали, что пациентка Кравец Н.И. ещё в реанимации и посещение её нежелательно. Лечащим врачом оказался соученик Кравца из параллельного класса – Андрей Живетьев.

Он обнадежил:

– Мать твою на ноги поставим. Считаю, Александр, что ей повезло. Правосторонний инсульт.

– Что я могу сделать?

– Если при деньгах, купи лекарства импортные. Я выпишу. Да ещё можешь заплатить медсестре. Так сказать, за персональное внимание... Ты же знаешь, на блокадном пайке нас государство держит...

– Какой разговор. Заплачу, лишь бы на пользу пошло. Сколько мама пробудет у тебя?

Живетьев пожал плечами:

– Трудно сказать, как реабилитационный период пойдёт. Обычно недели две-три. Да не волнуйся. Обещаю, что к матушке твоей будет отношение самое доброе...

– А мне когда можно её навестить?

– Приходи завтра. Но, само собой разумеется, ненадолго и без всяких треволнений для больной. Уразумел?

– Спасибо, Андрей.

Когда вернулись из больницы, Анна Якимовна предложила пообедать. Кравец отказался: хотелось побыть одному. Перекусил дома всухомятку. Потом достал альбом и стал разглядывать фотографии. Остановился на одной, где мама была сорокалетней, улыбчивой, и едва не расплакался. Ощутил себя таким же незащищённым и беспомощным, как в то утро, когда впервые пошёл в детский сад. Мама оставила его одного среди незнакомых детей. Он плакал, колол по стеклу ладошками, умолял её вернуться, взять с собой, а она, прихрамывая, не оборачиваясь, уходила всё дальше и дальше. «И ощутить сиротство, как блаженство», – неожиданно пришли на ум ахмадулинские строки. «Что за бред? Какое может быть блаженство? Нет, это

не о настоящем сиротстве...» Ему стало страшно, а что если мама, вопреки уверениям Живетьева, вдруг умрёт? Как он будет без неё?

Ему было семь лет, когда у мамы случился сердечный приступ. Он тогда жутко испугался и понял, что мама для него – всё. Когда повзрослел, её влияние вроде бы уменьшилось. Военное училище. Служба. Женитьба на Тамаре. Рождение сына... Отдельная, самостоятельная жизнь. Мать как будто отошла в тень. Но её присутствие в своей судьбе он ощущал всегда. Был уверен, что с ним ничего не случится, пока мама жива.

В последние годы в доме у матери появились иконы и Библия. Нина Ивановна и Кравцу вручила маленькое Евангелие и иконку с изображением князя Александра Невского.

– Ты же не крещёная... – удивился он.

– Мы все крещёные, кто в мои годы родился...

– Ты об этом никогда не говорила...

– Нельзя было, вот и не говорила.

– А теперь что, можно? – усмехнулся Кравец. – Новая мода: церковь, иконы... Вон даже бывший секретарь Свердловского обкома партии Ельцин в храм со свечкой ходит... А ведь совсем недавно приказ отдавал о сносе дома, где царя грохнули. И ты, Нина Ивановна, туда же... Где ж вы все были, когда церкви разрушали и священников расстреливали?

Мать обиженно поджала губы. Но перед самым отъездом снова попросила:

– Сынок, возьми иконку... И послушай мать: покрестись... Я тебе защита теперь ненадёжная, а Он защитит...

– Что-то не больно он твою семью защитил... – сказал Кравец, но иконку взял.

3

Историю маминой родни Кравец узнал поздно. Уже во время перестройки, той самой, о которой мрачно шутили, что она когда-то перерастёт в перестрелку. До перестрелки пока ещё не дошло. А вот иллюзий в головах у тех, кого называли «человеческим фактором», возникло немало. О демократии. О свободе слова. Об исторической памяти. Не устоял и Кравец, поверил в «социализм с человеческим лицом». Задумал написать книгу об армии. О той, какой она была до революции. А ещё – о современной. О том, что мешает ей быть по-настоящему сильной и боеспособной. Название придумал – «Сказание об офицерской чести». Поделится планами с матерью.

Она сказала, приглушив голос, хотя они были одни:

– Не делай этого, сынок! Посадят...

– Сейчас не сталинские времена! За книги не сажают.

– Времена для простых людей всегда одни и те же. От суммы да от тюрьмы не зарекайся...

– Да ты, Нина Ивановна, настоящая диссидентка... Вот уж никогда не подумал бы...

– Ты, сынок, о многом судишь торопливо, потому что страха настоящего не знал. А со мной он – всю жизнь, с самого детства...

...Семья прадеда Кравца, выходца из Полтавской губернии, оказалась на Урале во время столыпинской реформы, давшей крестьянам наделы и разрешившей строить хутора на окраинных землях Российской империи. Семья была большая, и, что важнее прочего, все пятеро детей – мужского полу. На каждого по закону был положен отрезок пахотной земли. Так что общий надел вышел приличным. Поселенцы работы не гнушались. После первого урожая отстроили хутор. Назвали Николаевкой. То ли в честь государя императора, то ли по имени бывшего владельца этих земель – помещика Николаева.

Подросли сыновья. Завели семьи. Рядом с отцовским куренем свои дома поставили. Паровую мельницу приобрели. Одну на всех. Конечно, у каждого в хозяйстве и лошади, и коровы, и даже верблюды были. А овец и птицу просто не считали...

Жили своим трудом и по труду. Нелегко, но сытно. Надеялись, что заживут лучше.

Когда случилась война с немцами, многие мужики, в том числе и дед Кравца – Иван, ушли на фронт. Он и его братья оказались в кавалерии, но в разных частях. Иван и старший брат, Антон, отличились во время Брусиловского прорыва, выслужили офицерские чины и Георгия – за храбрость. Три других брата погибли в Курляндии.

После февраля семнадцатого Иван и Антон вернулись домой. Хозяйство в их отсутствие пришло в упадок. Только стали его поднимать, началась другая война. Белые, красные, зелёные, чехи, колчаковцы, чапаевцы. Все они вытаптывали пашни и сенокосы, опустошали дома, уводили с собой лошадей и не успевших спрятаться мужчин. Братья оказались под разными флагами. Так продолжалось, пока однажды не сошлись – лоб в лоб. Как в кино... Обнялись, расцеловались. Ивану удалось уговорить Антона, и тот вместе со своим эскадроном перешёл на сторону Советов...

– Эту былъ, мама, я от бабушки слышал...

– А вот двадцать третьего февраля тридцатого года...

– Был день Рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота...

– Так оно, конечно. Но это ещё и день, когда нас раскулачили...

– Да вы разве были кулаки?

– Конечно, нет. После Гражданской жили бедно. Но со временем и лошадь снова появились, и корова, и овечки. Куда меньше, чем до войны, но всё-таки какое-никакое хозяйство. Встали бы на ноги покрепче, но в двадцать девятом дошли до Николаевки слухи о коллективизации. Дядя Антон всё своё имущество продал и уехал на Кубань. А дед твой остался. Надеялся, что не тронут как бывшего красноармейца. Правда, перед самым тридцатым годом уехал и он. В Ташкент. Якобы для покупки посевного зерна. На самом деле с расчётом: мол, семью без кормильца с места срывать не станут. Стали. Ещё как! За неделю до высылки приехали на хутор уполномоченные из Кислянки – села, что верстах в семи от нас. Отняли все тёплые вещи. Бабушку твою и нас, детей, из родного дома выселили во временку с земляным полом. Всю скотину со двора увели. Продукты, сельхозинструмент – всё забрали. Даже балалайку и мешок с семечками. А в ночь на двадцать третье приехали снова. На этот раз с ними был председатель сельсовета. Он когда-то в молодости за нашей мамой сильно приударял, но она деда твоего выбрала. Наверное, председатель с того времени злобу и затаил. «Собирайся, – говорит, – Фрося, к белым медведям. Там тебе и Ванькиным выродам жарко будет!» Погрузили нас на сани. В деревянный короб с сеном. И повезли. Холод был страшный. Двое суток добирались до станции Шумиха. Потом пересадили в теплушки. Везли ещё несколько дней до Тобольска. Затем снова на санях до поселения Малый Нарыс. Привезли в тайгу – снег по пояс. Выгрузили: «Здесь будете жить!» А где, как? Никого не волнует. Там я и простыла. Заработала туберкулез кости. Были сильные нарывы. А в районе лечить отказывались. Дескать, дочь врагов народа – не положено. Могла и вовсе сгинуть, да учительница, тоже из ссыльных, надоумила написать письмо в Москву, Косареву. Был такой секретарь комсомола...

– Слышал... Его в тридцать седьмом расстреляли.

– А в тридцать первом он мне помог. Пришёл ответ в комендатуру для ссыльных переселенцев, что дети за родителей не отвечают и девочку надо отправить на лечение... К этому времени и дед твой нас разыскал. Добровольно в ссылку приехал, вслед за семьей.

– Надо же, не струсил...

– Они же с твоей бабушкой венчаны были. Перед лицом Господа клялись. Это не шутки.

– Ты, Нина Ивановна, опять проповеди читаешь... Лучше расскажи, что дальше было...

– А дальше повезли меня в больницу. На лодке. А у меня уже жар и боли сильные. Плачу тихонько. А папа строгий был, говорит: «Терпи! Не хнычь, а то накажу!» Когда в Тобольске поднимались в гору по Прямоному взвозу, родители несли меня на носилках и остановились передохнуть, к нам подошёл какой-то мужчина и попросил у отца прикурить. После отец ска-

зал, что это бывший троцкист. Находится на поселении. «Что он говорил?» – спросила мама. «Всё сетовал, мол, жил бы Ленин, с нами такой беды не случилось бы...»

– Мам, ну, Ленин, Сталин, это я понимаю, это было давно. А мне-то почему нельзя книгу писать?

– Разве давно? Полвека не прошло. Вот у нас в Малом Нарысе был старичок, Кузьмичом его все звали. Он, как только война с фашистами началась, на завалинке с соседом поделился своими соображениями. Мол, зачем столько народу губить? Лучше бы, как в старину, Гитлер со Сталиным на кулачках сошлись и силой померялись. Кто победит, тому и править... Что ты думаешь? На следующее утро забрали Кузьмича, и больше его никто не видел...

– Не беспокойся. Теперь за слова не расстреливают. Ладно, если ты так боишься, я не буду писать эту книгу...

– Вот и хорошо, – посветлела лицом мать. – Помнишь, как бабушка говорила: «Не высовывайся – целей будешь!»

...Книгу Кравец всё-таки написал. Понёс рукопись в местное издательство. Сунулся в кабинет главного редактора. Секретарша, дама бальзаковского возраста, вся в буклях и рюшах, к главному его не пустила. После долгих переговоров, сопровождавшихся ослепительной улыбкой посетителя, она из уважения к офицерским эполетам, а может, по причине неутолённой любви ко всем представителям противоположного пола, направила Кравца в общественно-политическую редакцию. Редактор – невзрачный мужичок неопределённого возраста – повертел в руках папку с рукописью и присоединил её к кипе, громоздящейся на столе.

– Зайдите через месяц-полтора...

«Оставь надежды, всяк сюда входящий», – подумал Кравец, но через пять недель зашёл в издательство.

На этот раз редактор встретил его по-другому. Он долго тряс Кравцу руку и бормотал, что никак не ожидал от человека военного подобной смелости суждений и откровений об армейской жизни.

– И под грубой солдатской шинелью может биться пламенное сердце, – перефразируя Лермонтова, ответил польщённый Кравец.

– Я буду предлагать вашу рукопись в план издательства... – важно сказал редактор.

– На следующий год?

– Ну что вы, голубчик, – перешёл собеседник на отеческий тон. – Планы издательства свёрстаны на пятилетку вперёд. У нас даже члены Союза писателей в очереди стоят...

Кравец нахмурился.

– Не огорчайтесь и не теряйте надежды. Главное, вы написали хорошую книгу... Будем надеяться на лучшее, – утешил редактор.

Книга так и не увидела свет, хотя и попала в план издательства на тысяча девятьсот девяносто первый год. А когда он наступил, стало не до книг об армии. Да и вообще не до книг...

В условиях рынка местное издательство не выдержало конкуренции с крупными московскими фирмами и распалось. Рукопись Кравца бесследно исчезла. Да в это время он и не вспоминал о ней. Реформаторы перевернули всю жизнь страны вверх ногами и не оставили людям никакого права, кроме одного – бороться за существование. Не в переносном, а в прямом смысле слова. Курсантская присказка «Приказано выжить!» по сравнению с реальностями новой жизни выглядела детским лепетом. В конце августа того же года пришёл указ Ельцина о приостановке деятельности коммунистической партии. Кравец, вместе с остальными политработниками, оказался за штатом. Несколько месяцев находился в подвешенном состоянии, не зная, как сложится дальнейшая служба, чем будет кормить семью. Тут уж точно – не до писательской карьеры!

Но удивительное дело, именно когда разладились и личная жизнь, и жизнь государства, которому он присягал, к нему вернулась способность писать стихи, почти забытая с курсантской поры. «Самозащита души» – так для себя определил Кравец назначение поэзии.

«Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души», – повторял он строчки Высоцкого. Именно так: босые души и – в кровь! Откуда приходит вдохновение или нечто другое, что движет рукой и сердцем, это оставалось загадкой. Но он вывел для себя формулу: чем труднее, невыносимее жизнь, тем больше вероятности, что стихи родятся.

Вот и сейчас, глядя на фотографию матери, он почувствовал их приближение. Не к месту, не попад. Или, напротив, – в самую точку...

Если под уклон ведёт дорога
И мелькают без просвета дни,
К маме обращаюсь, словно к Богу,
Мысленно: спаси и сохрани!

4

Анна Якимовна вошла неслышно. Присела на краешек дивана рядом с Кравцом, спросила:

– Ты чего дверь не закрываешь? Сейчас время сам знаешь какое...

Он пожал плечами. Анна Якимовна какое-то время посидела молча, потом, совсем как в школе, повернула его к себе и заглянула в глаза:

– Не знаю, стоит ли показывать тебе это, – она вынула из кармана байкового халата конверт.

– Что такое?

– Сам увидишь... Думаю, всё-таки ты должен прочитать... Именно после этого письма с Ниной и случился удар... Извини меня... – Она отдала конверт и ушла.

Кравец посмотрел на адрес и сразу узнал почерк жены. Достал сложенный вдвое листок из тетради в клетку. На листке – ни здравствуйте, ни до свидания – всего две фразы: «Я ненавижу вашего сына! И сделаю всё, чтобы мой сын не был похож на него!»

...С Тамарой он познакомился на четвёртом курсе, так, как обычно знакомятся курсанты, – в увольнении. Один из товарищей пригласил его на свадьбу. В числе подружек невесты оказалась рыжеволосая разбитная девчонка с огромными голубыми глазами.

– Тамара, – смело представилась она, оказавшись за столом по правую руку от Кравца.

– Царица Тамара... – пошутил он.

Девушка ответила вполне серьёзно:

– Почему бы и нет, – и тут же лукаво рассмеялась, окинув его благосклонным взглядом.

Потом были танцы. Одна подвыпившая девица пригласила его, повисла на шее и неожиданно поцеловала в губы. Вот тут и случилось нечто из ряда вон выходящее. Тамара оттолкнула соперницу и, закатив Кравцу пощечину, метнулась к выходу. Кравец за ней. Догнал на троллейбусной остановке и, чего сам от себя не ожидал, врезал ответную оплеуху. Тамара зашипела, как взбешённая кошка, и попыталась полоснуть ногтями по щеке. Он перехватил её руки, крепко сжал запястья. Тамара обмякла и припала к нему...

Любил ли он её? Кравец не знал. Возможно, просто пришло время. Один из преподавателей училища назвал этот период в жизни курсантов «брачно-гнездовым». Все старшекурсники искали себе подруг, чтобы по выпуску не ехать в дальние гарнизоны в одиночку. Да и действительно, время пришло. Невзирая на физическую и интеллектуальную нагрузку, гормоны в организме играли. Сны, в которых преобладали обнажённые красавицы, замучили... Было

и ещё одно обстоятельство. «Женатики» получали еженедельно два суточных увольнения в город, а это на четвёртом году жизни в казарме аргумент весомый.

Пару месяцев спустя, после их знакомства, когда от поцелуев дело естественным порядком дошло до того, к чему яростно зывали гормоны, Тамара упёрлась:

- Милый, а это после свадьбы...
- Так давай поженимся!
- Ишь какой торопыга... А меня ты спросил?
- А чего спрашивать, если ты со мной сейчас в чём мама родила?..
- Лежать в одной постели – это ещё не повод для женитьбы...
- А что повод?
- Любовь, глупенький, любовь...
- Ты что, меня не любишь?
- А ты?
- Что за манера отвечать вопросом на вопрос? Пойдём лучше в ЗАГС!

Решили подать заявление через неделю. А накануне этого похода приснилось Кравцу, будто лежит он на полянке с изумрудной травой. Над ним небо высокое, голубое, как Тамарины глаза. Хорошо на душе у Кравца. Безоблачно. Разнежился он. Блаженствует. Но боковым зрением замечает, что трава справа от него заколыхалась. Что-то живое в ней. Страшное. И точно, выползает рядом с ним змея необычной окраски – рыжие и чёрные полосы. Кравец понимает, что змея ядовитая. Она заползает к нему на грудь. Свивается в кольцо там, где сердце, и тянется своей мордой с удивительно голубыми глазами и чёрным раздвоенным язычком к лицу. Всё внутри у него холодеет, а змея целует его...

Он проснулся со странным ощущением, что совершает горькую ошибку, но в ЗАГС всё-таки пошёл. Характер отступить не позволил... Потом была свадьба. Нина Ивановна, узнавшая о ней в последнюю очередь и приехавшая в Курган перед самым бракосочетанием, сдерживала слезы, старалась не показать, что не одобряет выбор сына. Она и Тамара были друг с другом любезны и обходительны. Но Кравец, будь он внимательней и не так занят собой, сумел бы разглядеть, что новоиспечённые свекровь и сноха с первого взгляда не понравились друг другу.

Впрочем, времени и возможности для проявления взаимной антипатии у них не оказалось. Вскоре молодые супруги уехали, как и предполагалось, в дальний гарнизон. Потом родился сын, названный Иваном в честь деда. Были переводы и переезды. Тамара то сидела с малышом, то пропадала в школе, где преподавала математику. Кравец большее время суток был на службе. Обычная жизнь офицерской семьи.

Только отношения у молодых супругов были не совсем обычные. То ластятся, как два голубка, то ссорятся – дым коромыслом. Всё не могли определить: кто в доме хозяин... Правда, до оплеух, как в день знакомства, не доходило, но покоя не было – ни ему, ни ей. Задним умом Кравец понимал, что сам виноват во многом. Где надо бы настоять, уступал, а где следовало бы сдержать эмоции, был нетерпимым. Слабым оправданием служило то, что не знал он, как должен вести себя мужчина в семье. Мать и отец разошлись, когда ему не исполнилось и трёх лет. Из такой же несостоявшейся семьи оказалась и Тамара. Вот и строили свои отношения методом проб и ошибок. И может, притёрлись бы когда-то, притерпелись, но однажды...

Кравец вернулся с учений на день раньше, чем обещал. Приехал поздно вечером, открыл дверь своим ключом. В прихожей споткнулся о чьи-то незнакомые ботинки. Боясь поверить очевидному, шагнул в спальню и первое, что увидел, – смятый Тамарин халат, обвивающий рукавами чужую рубашку...

– А-а-а-а! – не то застонал, не то взревел он и сорвал со спящих одеяло. Но драться не стал. – Одевайся, уходи! – бросил проснувшегося и перепуганному парню.

– Что ты в нём нашла, в сморчке этом? – допытывался он у жены, когда остались одни. Его переполняла обида, смешанная с жалостью: к себе – обманутому, и к ней, бестолковой. «Даже сблудить так, чтобы никто об этом не знал, ума не хватило!»

Тамара, поначалу побледневшая и задрожавшая, пришла в себя и ответила вызывающе:

– Ты на себя посмотри, поэт-самоучка!

– Ну ты и тварь! – Кравец хлопнул дверью и ушёл в офицерское общежитие.

– Ты даже за себя постоять не можешь! – упрекала Тамара, когда они помирились и сошлись вновь. – У тебя жену из-под носа уводят, а ты...

– Сучка не захочет, кобель не вскочит...

– Я тебе не сучка!

– А я не дурак из-за тебя кулаками махать!

– Ничего, ещё помашешь...

И точно. Пришлось Кравцу не раз махать кулаками. После тридцати Тамара как с цепи сорвалась. Приходила домой за полночь. «Дыша духами и туманами» – так, кажется, у Блока. От неё пахло кабаком и чужими мужиками. Со вторым и третьим её любовником Кравец бился насмерть. Не помогло. Подал заявление на развод. Не развели. Сын был ещё маленьким. Потом смирился, не смирился, но заявлений больше не писал. Надо было поступать в академию, а кто же разведённого в ВПА³ примет? А дальше – повышение по службе. Значит, снова разводиться нельзя... Какой же ты замполит полка, когда с собственной женой справиться не можешь? Да и Тамара со временем стала умнее. Любовников в дом приводить перестала. Если и встречалась с ними, то где-то на стороне. Так и жили: под одной крышей, а будто бы и не в браке...

Нина Ивановна, конечно, догадывалась, что в семейной жизни сына что-то не так. Но с вопросами не лезла и советами не досаждала. Кравец ей ничего не рассказывал. Не хотел волновать. А Тамара вот не побоялась...

Чем могла мать так насолить Тамаре? Как вообще может женщина, которая сама мать, написать другой матери такое?

Он силился припомнить, когда мать и Тамара повздорили. И не вспомнил. Тамара после свадьбы почти не встречалась с Ниной Ивановной. Даже во время отпусков, когда Кравец собирался в Колпино, находила любые предлоги, чтобы не поехать к свекрови. Внешне, конечно, соблюдались приличия: открытки к Новому году и к дням рождения, приветы в письмах, редкие посылочки. В одну сторону – с отрезами на платье или косынками, в другую – с вязаными носками, свитерами для сына, снохи и внука, с картонными коробочками-шкатулками, которые, выйдя на пенсию, научилась красиво мастерить Нина Ивановна.

«Неужели это из-за того случая?» – встрепнулся он.

Да, был один случай, когда Кравец влюбился. Может быть, впервые. По-настоящему. С Валентиной он повстречался в Москве, когда учился в академии. Познакомились у Большого театра, куда Кравец ходил для «повышения эстетического уровня». Его сокурсник на спектакль не пришёл. Из толпы жаждущих попасть на премьеру Кравец выбрал хрупкую девушку и предложил ей лишний билет. В антракте, как и положено кавалеру, пригласил Валентину в буфет. Разговорились. Она, оказалось, тоже учится заочно. В экономическом институте имени Плеханова. А живёт в Челябинске. То есть ко всему прочему – землячка. За время сессии встретились с ней ещё несколько раз. Бродили по Страстному бульвару, держась за руки, как дети. Даже не целовались. Но искра между ними проскочила. Договорились встретиться в Челябинске через месяц.

В один из выходных он сказал жене, что поедет к матери, а сам отправился к Валентине. Тамаре обычно дела не было до того, где находится её благоверный, а тут словно почуяла что-

³ Военно-политическая академия имени В.И. Ленина.

то. Позвонила в Колгино соседке Нины Ивановны и поинтересовалась, приезжал ли Кравец. По возвращении устроила ему допрос с пристрастием: где был, что делал?

– У матери, – соврал Кравец.

– Врёшь! Не был ты у неё!

– Да поезжай к ней сама и проверь: был или не был...

– Ты со своей мамочкой всегда заодно! – рубанула Тамара и в этот вечер дома не ночевала.

Теперь ясно, что жена посчитала Нину Ивановну причастной к его измене. А измены, в привычном понимании, никакой не было. Они с Валентиной просто просидели рядом до утра. Пили кофе. И говорили. Обо всём. Тамаре, наверное, трудно даже представить, что такое бывает.

– Ты женатый человек, – говорила Валентина. – Я не могу разрушать твою семью. Пусть даже и неудачную. Может быть, когда всё переменится, мы встретимся и...

Они больше не встретились. Валентину сбил грузовик с пьяным водителем за рулём. Об этом Кравец узнал из заметки в челябинской газете.

«Я ненавижу вашего сына! И сделаю всё, чтобы мой не был похож на него!» – он снова перечёл письмо. Что ж, Тамара давно начала выполнять своё обещание. Сын всё больше сторонится его. Наотрез отказался пойти в Суворовское училище: «Ну, ты даёшь, ещё я в армии только не служил... Что мне, делать больше нечего?» Иван живёт своей жизнью, в которой только телевизор да телефонные звонки знакомым девчонкам. А может, и что-то другое, неизвестное Кравцу... Горько сознавать, что твоё чадо будто бы и не твоё. Словно и не стирал ты его пелёнки, не рассказывал сказки, когда он был малышом, не носился по больницам, когда он болел... «А что, если я сам виноват в отчуждении сына? Ведь у меня всегда впереди семьи служба была. Служба и литература. А сын-то – живой человек! Ему не рукописи, не звёздочки на погонах, а я сам нужен...»

Кравец скомкал Тамарино письмо. Потом разглядел и засунул в конверт. «Зачем? Чтобы когда-нибудь ткнуть ей в лицо, обвинить?.. Глупо. Она давно чужая... Ей ни к чему мои обвинения, моя боль. Вывод один: винить надо себя одного. За всё. В том числе за это послание. А значит, и за мамину болезнь...»

5

Ночь была бессонной. Он лежал на стареньком диване, пружины которого больно впились под ребра, и глядел в окно. Там, под порывами ветра, метались из стороны в сторону ветки старого тополя. На тёмном небе стыла одинокая звезда, создавая иллюзию далёкого маячка, дарующего надежду. Теснились в голове мысли, одна мрачнее другой. И ни одного просвета между ними, словно жизнь уже закончилась и потеряла всякий смысл...

Вспомнилось вдруг, как после второй измены жены пытался повеситься. В ванной приладил к трубе бельевую веревку. Завязал петлю. Просунул голову... И тут в дверь забарабанил сын – Ване тогда было пять:

– Папа, папа! Открой! – и заплакал навзрыд, как будто понял, что происходит.

Кравец мог бы подогнуть колени и повиснуть в удавке, но вдруг увидел ситуацию со стороны: плачущий ребёнок колотит в дверь, а за ней – здоровый мужик пытается свести счёты с жизнью из-за того, что запутался и не может найти выхода... «Что будет с мальчишкой, когда он увидит меня с выпавшим языком и вытаращенными зенками?» Картина показалась настолько дикой, что он тут же развязал узел, спрятал веревку в стиральную машину и распахнул дверь.

...Утром он побывал в больнице. Нина Ивановна была ещё очень слаба. Пока он был у неё в палате, дважды заглядывала сестра, которой он вчера вручил деньги. «Отрабатывает аванс», – подумал Кравец.

Из больницы он отправился на почту. Выстояв длинную очередь, отослал в часть телеграмму, заверенную Живетьевым.

Не успел вернуться домой, как по батарее застучали. Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук. Условный сигнал – вас к телефону.

Это соседка сверху – Зоя Петровна. Та самая, что когда-то «сдала» его Тамаре. У неё – единственный на весь подъезд телефон, установленный ещё в советские времена. Мать Кравца безрезультатно простояла в льготной очереди семнадцать лет. А вот Зоя Петровна поставила телефон через полгода работы в буфете горкома партии. Правда, надо отдать ей должное, она никогда никому не отказывала: ночь-заполночь – приходи, звони, если нужно. Вот даже условный сигнал придумала, как к телефону соседей звать...

Он поднялся к ней, спросил:

– Кто там, Петровна?

– Из части тебя, Саша... – доложила соседка. – Полковник какой-то, фамилию не слышала...

– И чего хотят? Я ведь только что телеграмму о болезни матери отправил...

Звонил Смолин:

– Привет, комиссар... Как дела?

Кравец коротко объяснил ситуацию, спросил:

– Телеграмму получил?

– Нет ещё. Но если бы и получил, всё равно позвонил бы...

– Что случилось?

– Да, на войну готовимся...

– Ты чего, Сергей Владимирович, открытым текстом шпаришь? Враг подслушивает! – по привычке понизил голос Кравец.

– Да какие теперь секреты? Бакатин, ёкарный бабай, все наши секреты вместе с шифровальными кодами американцам выдал... По телевизору да из газет нынче можно больше узнать, чем из документов с грифом... Не волнуйся, Саня: тот, кто не должен знать о наших приготовлениях, узнал о них в первую очередь... Как говорится, враг среди нас!

– А кто враг-то?

– Не поверишь, сам не знаю... Эшелоны оформляем на юг... До той узловой, куда третий мотострелковый отправили. Помнишь?

– Ага, – отозвался Кравец. Речь шла о Северной Осетии, где уже пару месяцев находился батальон их полка.

Кравцу не к месту вспомнилось, как в декабре семьдесят девятого на их аэродроме для дозаправки приземлились десять Ан-12, до отказа набитых десантниками, без знаков различия, но с полным снаряжением и боекомплектom. Прилёт этот был окутан какой-то тайной. В автозаправщики были посажены офицеры батальона обеспечения, на стоянках дежурили инженеры и политотделы. Пока специалисты осматривали и заправляли самолеты, Кравец вместе с другими политработниками разносил газеты и термосы с горячим чаем.

Первый вопрос, который задавали в каждом самолете, – выходить из них десантникам было категорически запрещено:

– Ребята, что в мире происходит?

Стало понятно: они не знают, куда летят. Потом выяснилось – в Афган. «Всякая большая война начинается с тайны и неразберихи», – подвёл итог невесёлым воспоминаниям Кравец, но в трубку сказал ободряюще:

– Может, не так страшен чёрт, как его малюют? Может, это и не война?..

– Не думаю... Слишком много помощников из штаба округа понаехало... Подготовку к командировке контролируют. Но и окружники, ёкарный бабай, не знают, в какой бочке мы будем затычкой... Наше дело – телячье... Куда прикажут, туда и поедem... – продолжил Смолин излагать диспозицию. – Я вот что тебе звоню, Саня. Нужен ты здесь позарез! Знаю, что причина у тебя уважительная... Но если сможешь, приезжай поскорей!

– Приеду, командир, – пообещал Кравец.

Попрощавшись со Смолиным и поблагодарив Зою Петровну, он спустился к себе. Наскоро собрался. Задумался: идти к матери проститься или лучше написать ей письмо? Решил написать.

Закрыв квартиру. Зашёл к Анне Якимовне. Она встревожилась:

– К чему такая спешка?

– Так надо, Анна Якимовна. Вы же сами нас учили: прежде думай о Родине, а потом о себе...

– А что я Нине скажу?

– Ничего пока говорить не надо. Потом объясните, что срочно вызвали в часть.

– Куда же ты, на ночь глядя?

– До Челябинска как-нибудь доберусь, а там ночной поезд до Екатеринбурга... Вы уж присмотрите, пожалуйста, за мамой... Вот деньги на расходы... – Он протянул несколько купюр и ключи от квартиры.

Анна Якимовна взяла ключи и деньги. Поцеловала Кравца в лоб, как мальчишку, и перекрестила:

– Храни тебя Бог!

У вокзала он поймал частника. Сговорились по сходной цене. И тут Кравцу неожиданно приспичило. Он попросил водителя:

– Подожди, земляк, я сейчас... – и зашёл в вокзал.

Когда вернулся, машины на месте не оказалось. Частник уехал, как тогда, в семьдесят пятом...

Глава третья

1

– Ну и сука этот водила! Мне сразу его рожа не понравилась! – Флегматика Захарова было не узнать. – Он же деньги взял... И свалил! Чё делать будем, Саня? Опоздаем ведь...

– Чё делать, чё делать... – передразнил Кравец. – Снимать штаны да бегать!

– Ага, штаны... Шалов их и так сдерёт, если к отправке не успеем...

– Как же он сдерёт, если не успеем?

– Да ну тебя, хохмач хренов!

– Не дрейфь, Юрка, сейчас тачку поймаем...

– А деньги? Чё, нас за твои красивые глаза повезут?

– Плохо ты мою маму знаешь. Она перед уходом мне червонец сунула. А за «чирик» нас с тобой не то что до Копейска, а до самого Челябинска доставят!

– Так чего мы стоим?

– Команды ждём... По направлению к вокзалу... бе-гом арш!

Они припустили во всю мочь. Вдох – два шага – выдох... Вдох – два шага – выдох... Маршрут знакомый. По нему Кравец ежедневно бегал, когда занимался в ДЮСШ – детско-юношеской спортивной школе. Мечтал стать знаменитым прыгуном в высоту. Таким же, как кумир, Валерий Брумель. Тренировки давались нелегко. Мальчишкой он был хилым и неуклюжим. Тренер и не выгнал-то его сразу, как потом признавался, из жалости. Да ещё из надежды на длинный голеностоп нового воспитанника – мечту всякого прыгуна. Но тренерские надежды сбылись нескоро. В первый год у Кравца ничего не получалось: ни отработка элементов «перекидного», ни силовые упражнения. Но трудней всего давались кроссы – тренировка выносливости и «дыхалки». Он всегда плёлся в хвосте, страдая от насмешек. Вот и определил для него тренер индивидуальную дистанцию: ДЮСШ – дом – вокзал и обратно.

– Ты, Кравец, постарайся, и у тебя всё получится! В спорте побеждает не самый способный, а самый упёртый.

Упорства Кравцу было не занимать, да и преодолевать себя ему оказалось легче, когда – один. На соревновании полгода спустя он неожиданно для себя самого выполнил нормативы третьего разряда. И пошло-поехало... Через два года стал второразрядником сразу по нескольким видам лёгкой атлетики, приблизился вплотную к заветным метру восьмидесяти сантиметров – норме первого разряда по прыжкам в высоту...

Спортивные достижения пригодились при поступлении в военное училище и во время учёбы. Особенно в месячник «дикого мустанга». Так курсанты прозвали прошлый декабрь, когда утренняя пробежка по территории училища была заменена десятикилометровым лыжным кроссом. Лыжи даже не сдавали в каптерку, а привязывали под кроватями. Рывкнет Гейман своё: «Рот-тя, подъём!», даст три минуты для утреннего туалета, и – выходи строиться! Лыжи на плечо! Бег трусцой до ворот училища. А там – увальские пригорочки, сосенки да ёлочки... Если не хочешь замёрзнуть и опоздать к завтраку, вставай на лыжи и беги! Жгучий воздух перешибает дыхание. Лыжи армейские похожи на неструганные доски – тяжёлые, негнущиеся, с неудобными креплениями для сапог. Но ритм всё тот же, кроссовый: вдох – скольжение – отталкивание палками – выдох, вдох – скольжение – отталкивание – выдох... Через сорок пять минут надо оказаться на финише. Скорым маршем вернуться в казарму. Умыться холодной водой. И в том же сопревшем исподнем и пэша⁴ выйти на плац для движения к сто-

⁴ Полушерстяное обмундирование.

ловой. До неё метров триста. Гейман, как нарочно, тянет с командой. Над строем клубится пар от сотни молодых разгорячённых тел. На гражданке после такого слёт бы с температурой, а в училище – хоть бы что...

Однако месячник «дикого мустанга» всё же закончился плачевно. Во время заключительного марш-броска на пятьдесят километров с полной выкладкой при температуре ниже тридцати градусов многие курсанты сильно поморозились. А устроитель этой гонки – заместитель начальника училища по строевой подготовке полковник Терновой – отделался лёгким выговором.

О Терновом в КВАПУ ходили разные слухи. Дескать, у него «лапа» в ЦК, которая и делает ему карьеру. самого полковника боялись. Из-за непредсказуемости характера. Бывает, остановит какого-то встречного курсанта на плацу и тренирует его в искусстве отдания чести старшему начальнику. До опупения. На виду у всего училища. Или заставит роту маршировать с песней. Всем известно его пристрастие к маршу «Прощание славянки». Только называет он его по-своему. Завидят идущие в строю Тернового и переглянутся: сейчас начнётся. И точно.

– Старшина! Разверните роту на исходный рубеж. И – ко мне с песней: «Прощайте, славяне!»

И тут уж не до смеха. Будет рота песню горланить, пока сам полковник не устанет. Но случается, вдруг Терновой проявит милость, как однажды с двумя старшекурсниками. Они пьяными возвращались из увольнения и упали в сугроб у самого КПП. Терновой в это время выезжал из ворот училища. Посмотрел на лежащих и резюмировал:

– Отнесите их в казарму, пусть проснутся!

– Почему, товарищ полковник? Они же нарушители! – удивился ехавший с ним офицер.

– Нарушители. Но упали головой к училищу. Значит, стремились вернуться на службу, невзирая на своё состояние. Из таких вырастут настоящие офицеры...

Эта история потом передавалась из уст в уста, со временем превратилась в легенду. Но уважения к Терновому почему-то не добавила. Напротив, даже появилась поговорка, опровергающая геометрическую аксиому: «Всякая кривая короче прямой, на которой стоит полковник Терновой!»

Впрочем, если бы сейчас на пути Кравца и Захарова стоял грозный зам по строю, они, наверное, не свернули бы в сторону – так боялись опоздать к назначенному сроку.

У вокзала ни одного такси не оказалось. Зато тарахтел рейсовый автобус до Тимофеевки. Они вбежали в салон, и автобус тронулся.

За окном потянулись городские улицы. Кирпичные пятиэтажки. Потом деревянные домики. Заснеженный городской пруд. Снова улочки и бетонные заборы продовольственных баз. На одной из них Кравец работал после девятого класса грузчиком. Зарабатывал себе на выпускной костюм. Работа была тяжёлой, но вкусной. Он разгружал ящики с яблоками. Наелся от пуза да ещё и заработал. Денег хватило не только на костюм, но и на подарок маме. Она и сейчас носит платок, который Александр купил ей с первой полочки. И ещё воспоминание, связанное с Тимофеевкой. После одного из затянувшихся допоздна заседаний школьного комитета комсомола, куда Кравца выбрали в старших классах, ему поручили проводить девочку-восьмиклассницу, живущую на окраине.

– Ты, Кравец, у нас спортсмен, – сказал комсомольский секретарь, – тебе и провожать.

Девочка была так себе – серенькая мышка. Никаких эмоций, в смысле влюбленности, она у Кравца не вызвала. Но поручение есть поручение. Он довёл девочку до дома на краю Тимофеевки – «Шанхая», имеющего дурную славу, как и все окраины с подобным названием. Пожал спутнице руку, как положено комсомольскому товарищу, и, подождав, пока за ней захлопнется калитка, двинулся в обратном направлении, стараясь проскользнуть незамеченным и боясь, что это не удастся...

Давно замечено, что дурные предчувствия сбываются гораздо чаще, чем хорошие. Дорогу ему преградили несколько человек. Подростки из местного ПТУ. О жестокости «шанхайских» по городу ходили страшные слухи. В свете фонаря Кравец различил у встречных колья и цепи. «Убьют!» – эта шальная мысль придала ему решимости. Не дожидаясь атаки, он бросился в сторону. Одним рывком перемахнул высокий забор. Сзади раздался запоздалый свист и топот. «Ну, теперь догоните спортсмена-разрядника!» Раздирая одежду о кусты, он продрался через чей-то огород. Перепрыгнул через другой заборчик, пониже, и дунул по чёрной степи в сторону города, мерцающего огнями...

Тогда, с перепугу, расстояние от Тимофеевки до дома показалось ему незначительным. Нынче автобус полз, как черепаха. Кравец то и дело поглядывал на часы. «Командирские». Он месяц назад купил их на сэкономленные от походов в буфет рубли. Такие – почти у всех офицеров училища. Стрелки часов покрыты фосфором и светятся в темноте. Кажется, что сейчас они бегут быстрее обычного. «Опоздаем... Как пить дать опоздаем... И никакой «командирской» карьеры нам с Юркой не видать – Шалов тут же заложит...»

Захаров тоже менжевался.

– Скоро уже? – то и дело спрашивал он.

– Да не зуди ты! И так тошно...

На конечной остановке было пустынно. Ни людей, ни машин. Как назло, пошёл снег. Крупный и влажный. В двух шагах ничего не видать.

– Айда на тракт!

Они выбежали на шоссе. И тут им подфартило. На обочине стоял жигулёнок – «копейка». Передними колесами машина увязла в сугробе. Около неё топтался пожилой дядька в драповом пальто и ушанке.

– Ребята, выручите, застрял...

– Это мы мигом! А вы нас подбросите? Не за так, за деньги...

– Отчего же не подбросить... Ну, взяли!

Вытолкали автомобиль на дорогу. Забрались в салон. Поехали.

– Куда вам, служивые?

– В Копейск... Если можно, побыстрее...

– Побыстрее – опять в кювете окажемся. Я быстро ездить пока побаиваюсь. Только-только на права сдал... И машину недавно купил. Пятнадцать лет стоял в очереди на шахте... Жалко бить-то, своя...

– Ну, пожалуйста, мы опаздываем...

– В гости к Богу не бывает опозданий...

– Так то ж к Богу... А нам – к сержанту! – кисло улыбнулся Кравец. – Он у нас строгий...

– Не рассказывай. Сам служил. На Камчатке, в ПВО. А вы, я вижу, «летуны»... Из штурманского училища, что ли?

– Да нет. Не из штурманского, а... – начал Захаров, но под взглядом друга умолк: с посторонними о службе их учили не заговаривать.

– Мы в командировке, – за него закончил Кравец.

– Понимаю...

В Копейске, неподалеку от железнодорожного тупика, водитель затормозил:

– Тут сами доберётесь.

– Спасибо вам... Вот деньги...

– Рваные ваши я не возьму... Что я – гад какой со служивых тянуть?... Вам они в командировке ещё сгодятся... Ну, бывайте, ребята! – Он нажал на газ.

– Вот это настоящий мужик, понимающий...

– Ага. Не то что подлый таксист... – на бегу обменялись они мнениями.

Теплушки отыскиали без труда. Девять новеньких «телячьих» вагонов стояли на стрелке. К ним медленно пятился маневровый паровоз. В центре состава взад-вперёд нервно прохаживался Шалов.

Заметив подчинённых, он глянул на часы. Кравец посмотрел на свои. Двадцать ноль-ноль.

– Товарищ сержант... – стал рапортовать он, но комод оборвал:

– Водки привёз?

2

«Питие определяет сознание», – так творчески переработал классиков марксизма народ. Именно питание, а не бытие. В справедливость этого утверждения Кравец поверил, когда они забрались в теплушку, предназначенную для караула.

Половина вагона была перегорожена листами фанеры с косо висящей на ременных петлях дверцей. Вторая половина была заставлена продолговатыми ящиками.

– Это часть груза. Особо важная, – осветив фонариком сургучные печати на ящиках, пояснил Шалов. – Ну, что встали, как идола? Заходите в караулку, май дарлинг, и помогите Масленникову растопить печь. У него ничего не получается... Да поторапливайтесь, сейчас тронемся!

– Есть поторапливаться! – в голос отозвались Кравец и Захаров. От радости, что прибыли вовремя, и Шалов показался не таким противным, как всегда.

В караулке царил полумрак. Керосиновый фонарь, висевший справа от входа, освещал только часть пространства: печку-буржуйку в центре, большой фанерный ящик у стены, заменяющий стол, и два ящика поменьше вместо табуретов. За ними едва просматривались деревянные нары. Дальняя стена скрывалась во мраке.

У буржуйки на корточках сидел Мэсел в телогрейке. Приставив штык-нож к большому сучковатому полену, он изо всех сил колотил по нему другим поленом, поменьше. Штык-нож соскальзывал. Мэсел матерился.

– Привет, Железный дровосек! Ты так штык-нож угробишь!

– Ты бы, Кравец, не подкалывал, а помог, – оскалился Мэсел. – Печку растапливать – это тебе не к мамочке ездить!

– Договорились же, в карауле называть друг друга по именам... Чего ты сразу в бутылку лезешь? – выступил в роли миротворца Захаров.

– Ты попробуй эту железяку раскопегарить, тогда посмотрим, полезешь в бутылку или нет... Кстати, о бутылке... Привезли?

– А то как же!

– Вот это здорово! А вот это... – Мэсел ткнул пальцем в потолок, – не очень...

Потолок вагона был покрыт толстым слоем льда. У стен лёд образовывал могучие наросты, похожие на сталактиты. Кравец видел такие во время школьной поездки в Кунгурскую пещеру. Там его поразил грот под названием «Бриллиантовый». Подсвеченные прожекторами стены пещеры переливались разноцветными красками, создавали ощущение, что находишься в сказке. Сосульки в теплушке восхищения не вызвали – напротив, озноб прошёл по телу.

– Печка, видать, только что с завода – ни разу не топленная, – пожаловался Мэсел. – Я и бумагу совал, и бересту пробовал поджечь... Не горит, паскуда!

– Не ругайся, дай я попробую... Дома титан всегда растапливал... А ты, Леня, надевай полушубок, погрейся! – Кравец скинул шинель на нары и присел к печке. Мэсел впервые за время их знакомства, не стал спорить, протянул ему штык-нож и тут же натянул полушубок прямо поверх телогрейки.

Кравец выгреб из буржуйки поленья. Штык-ножом ловко отщепил несколько лучин. В топке сложил их шалашиком. Сунул обрывок газеты и чиркнул спичкой. Огонёк едва занялся и тут же погас.

– Что я говорил? Не горит! – злорадно заметил Мэсел.

– Может быть, тяги нет... – предположил Захаров.

Он постучал по трубе. Сначала внизу, потом повыше. Звук был глухой.

– Да там же лёд! Нам никогда не растопить это уё...

В караулку вошёл Шалов:

– Хау найс то миит ю хиэ?

– Чего-чего? – переспросил Захаров.

– Как вы себя чувствуете здесь, бестолочи? Знать надо язык потенциального противника...

– Куда нам до вас... – пробурчал Кравец.

Мэсел скорчил слезливую мину:

– Замерзаем, товарищ сержант...

Шалов оглядел потолок и стены, зябко передёрнул плечами, сдвинул ушанку на лоб, поскрёб затылок мизинцем с длинным ухоженным ногтем:

– Откупоривай водку, Кравец!

Кравец раскрыл «тормозок». Кроме бутылки с зелёной наклейкой «Московская» в нём оказались пирожки, заботливо упакованные мамой. Они были еще тёплыми.

Сержант первым сделал два больших глотка и передал бутылку Мэселу. Тот – Захарову. Дошла очередь и до Кравца. Ледяная водка обожгла горло, но вниз по пищеводу прокатилась горячей волной. Водку Кравец пил второй раз в жизни. Впервые это случилось три года назад. Сосед – Ильдар Гиндуллин, только что отслуживший в погранвойсках, – пригласил его и ещё двоих пацанов помочь копать картошку. Когда закончили работу, Ильдар, как и положено хозяину, предложил перекусить. Здесь же, у кромки картофельного поля, расстелили клеёнку. На неё разложили лепёшки, кильку в томатном соусе, помидоры и зелёный лук. Последней Гиндуллин извлёк из сумки бутылку.

– С устатку положено. – Он налил в гранёные стаканы. – Давайте дёрнем, мужики!

От этого «давайте дёрнем» и взрослого обращения «мужики» Кравец мигом забыл мамины наставления «не пить спиртного» и опрокинул содержимое стакана в себя. Что было потом, он помнил плохо. Вроде бы они с ребятами, как сумасшедшие, носились по полю, пинали и подбрасывали вверх картофельную ботву. Потом полезли на террикон угольной шахты, находившийся неподалёку. В памяти осталось ощущение какой-то неиспытанной доселе свободы и равного ей чувства стыда за себя и своих друзей. Когда хмель немного выветрился, они вернулись домой. Кравец поскорее, чтобы мама не заметила его состояния, улёгся в кровать и сразу же заснул. Наутро у него болела голова, и было сухо во рту.

– Ты что-то неважно выглядишь, сынок? – беспокоилась мама.

– Устал с непривычки... – отговорился он.

Теперь, проглотив порцию «Московской», Кравец запоздало удивился, как это мама не задала вопрос: «Зачем тебе водка, сынок?» Так же запоздало пришло чувство стыда: ворвался в родительский дом, как ветер. Поел. Взял деньги, водку, всегда хранимую мамой для гостей, и... поминай, как звали. Забыл даже спросить маму, как она себя чувствует...

Голос Шалова вернул его в теплушку:

– А теперь проведём «мозговой штурм», как учили нас на психологии. Исходный момент: без печки, как только начнём движение, сами превратимся в сосульки. Вывод: буржуйку надо растопить! Ну, комридс⁵, как будем раскочегаривать это наследие Гражданской войны?

⁵ Товарищи (англ.).

– Думаю, надо сбить лед на трубе... – выдвинул идею Захаров. – Тогда и тяга появится.
– Каким образом?

– Залезем на крышу и чем-нибудь постучим... – за друга пояснил Кравец и тут же пожалел об этом.

– Ты принцип помнишь: инициатива должна быть наказуема? Другими словами, тебе, Кравец, и лезть... Что ещё?

Захаров и Мэсел, наученные примером Кравца, молчали.

– Эх вы, мыслители... – недовольно сказал сержант. – Надо найти какой-нибудь горючий материал, чтобы прокалить эту чёртову печь! Масленников, за мной, а ты, Захаров, остаёшься в теплушке. Отвечаешь за вооружение и груз. Бди!

Шалов и Мэсел ушли на поиски, а Кравец, проклиная сержанта и свою несдержанность, полез на крышу. Железные скобы, служившие ступенями, обледенели так же, как сам вагон. Рискую сорваться, он добрался-таки до трубы. Рукояткой штык-ножа сбил с её макушки ледяной нарост. Крикнул вниз:

– Юрка, как там?

– Полную топку льда нападало... – глухо отозвался Захаров.

– Ладно, тогда я спускаюсь...

Вернулся в караулку. Следом пришли сержант и Мэсел. Принесли какие-то грязные тряпки. В теплушке запахло мазутом.

– Что это?

– Буксы... – пояснил Шалов. – Мы увидели, как обходчик заглядывал в железные ящики, приделанные к колёсам. Там и нашли их.

– А почему буксы?

– Читать надо больше! – глубокомысленно изрёк Мэсел. – В книге про Заслонова, который у немцев эшелоны подрывал, партизаны вместо буксов песок в эти ящики засыпали, и поезд шёл под откос...

– А если нельзя эти...ну, буксы из ящиков вынимать? Для чего-то они нужны?

– Если бы да кабы, в лесу выросли б грибы! Цель оправдывает средства... Зажигай!

Пламя ярко полыхнуло, озарив лица склонившихся к топке. В трубе загудело, затрещало, и в считанные секунды она стала менять свой цвет – из чёрного в сиреневый, потом в тёмно-красный. Вскоре печка раскалилась добела, распространяя кругом запах горелого масла и тепло. С потолка началась настоящая капель. В разгоревшуюся печь подбросили уголь.

– Теперь не погаснет!

– А я что говорил! Раскочегарили! А то – буксы не надо брать! – восторгался собственной находчивостью Шалов.

– Ох ты, голубушка наша, – пьяно осклабился Мэсел и обхватил буржуйку, как любимую подругу.

– Стой, сторишь! – закричали ему, но было уже поздно. Полушубок Мэсела задымил. К прежним запахам, царившим в теплушке, добавился запах горелой кожи.

Мэсела оттащили в сторону. Последствия его выходки были печальными – на новом полушубке образовались длинные чёрные подпалины.

– Привет прапорщику Нечитайло... – мрачно пошутил Кравец.

В это время состав дёрнулся и медленно пошёл вперед.

3

Тадам-дадам, тадам-дадам, тадам-дадам... Гремят на стыках колеса. Взвихривается снег. Свистит ветер. В распахнутой двери теплушки меняются, как на экране, пейзажи, сливаясь

в один, ночной, где только белизна заснеженных полей, берёзы, зябкие огни полустанков да бессонные зеленоглазые семафоры.

– Кравец, закрой ворота! – голосом дистрофика из больничного анекдота оборвал идиллию Мэсел, высунувшись из караулки.

– Что? С горшка сдувает? – в тон ему спросил Кравец.

– Это у тебя один горшок на уме...

Насчет «горшка» Мэсел прав. С этой насущной проблемой караул столкнулся уже через несколько часов пути. Приспособления, именуемого «ночной вазой», «нужником» и т. д., в теплушке никто не предусмотрел. Даже ржавого ведра не оказалось. Прикинули – ну, малую нужду можно и в открытую дверь справить. А как быть с нуждой большой?

Начали экспериментировать.

– Штаны сни-май! – приказал Шалов.

– Ага, снимай! На дворе-то не месяц май! – блеснул остроумием Кравец и сразу попался.

– Курсант Кравец! По разделениям: делай раз, делай два!

– Да что это такое, товарищ сержант? Опять я – крайний...

– Ты же сам говорил, что тебе надо...

– Ну говорил...

– Тогда скидывай бриджи!

Кравец медленно расстегнул поясной ремень, пуговицы брюк, спустил их вместе с фланелевыми кальсонами. Крепко ухватился за руки Захарова и Мэсела, упёршихся ногами в дверной косяк, и выставил заднюю часть наружу.

Ветер хлестнул по ягодицам снежной крупкой, будто наждаком прошёлся. Кравец поднатужился. Безрезультатно. От непривычной и неловкой ситуации, под насмешливыми взглядами однокурсников всю охоту как рукой сняло.

– Что, Данила-мастер, не выходит у тебя Каменный цветок? – изображая Хозяйку Медной горы, поинтересовался Мэсел.

– Не вы-хо-дит...

– Втягивай его обратно, а то он себе всё хозяйство отморозит! – распорядился Шалов. – Нэкст!

У следующего тоже ничего не вышло. Но выход был найден. Вчетвером (тут и Шалов подключился) отодвинули в сторону несколько ящиков с грузом и освободили узкий проход в дальний конец нежилой части теплушки. Пол застелили обрывками газет, и – импровизированный сортир готов. Но чтобы теплушка не превратилась в настоящий телятник, договорились, что каждый за собой будет убирать. Сделать это проще, когда «добро» застынет. Завернуть в те же газеты и сбросить «удобрения» на полосу отчуждения. Так, кажется, железнодорожники называют зону у откоса.

«Наверное, Мэсел вообразил, что я уединился для этого... – промелькнуло у Кравца. – Как объяснить этому олуху, что можно просто в одиночестве любоваться природой?»

– «Выхожу один я на дорогу, под луной кремнистый путь блестит...» – с выражением продекламировал он.

Мэсел скорчил постную рожу:

– Будешь умничать – без ужина останешься!

«Нет уж! Война войной, красоты красотами, а ужин по распорядку». – Кравец потянул на себя дверь теплушки. Тяжёлая и неподатливая на вид, она легко скользнула по обледеневшим пазам и захлопнулась.

Следом за Мэселом Кравец нырнул в караулку.

Она за время пути преобразилась, приобрела жилой вид – люди военные быстро обживаются на новом месте! Слева от входа, на гвоздях, погон к погону, шеврон к шеврону, как в

казарме, висят шинели. Рядом – полушубки. Они теперь нужны только на остановках, и то не все сразу, а только два – для очередного часового и начальника караула.

В самой теплушке – рай земной, тепло и сухо – и всё благодаря буржуйке, поначалу заслужившей столько нареканий. Прокалившись, она трещит ровно и весело, дымком, бликами создавая то самое ощущение жилья, которое дорого любому человеку со времени, когда далекий прашур придумал первый очаг.

На ровной поверхности буржуйки теснятся открытые консервные банки. В них – каша с тушёнкой. Шкворчит растопленный жир. Рядом в котелке закипает вода для чая. На фанерном ящичке-столе – буханка хлеба. Ещё недавно она была такой застывшей, что штык-нож не брал. Побывав на плите, оттаяла и даже чуть-чуть подгорела, теперь источает ржаной сладковатый дух, от которого у Кравца заурчало в животе.

Кашеварить и топить печь они условились по очереди. В ней, само собой разумеется, не нашлось места только Шалову, хотя в уставе об этом ничего не сказано. По словам сержанта, выходило, что не положено начальнику караула заниматься «чёрной работой», это, мол, обязанность караульных свободной смены, то есть тех, кто сейчас не на посту.

Постовую ведомость Шалов составил по алфавиту. Первый – Захаров, за ним – Кравец и, наконец, Мэсел. Времени на смену каждому отвёл по четыре часа, а не по два, как в обычном карауле. Юркина смена пришлась на обустройство. В следующие четыре часа на всех остановках Кравец напояливал полушубок, срывал со стены автомат и выпрыгивал на насыпь. Задача часового патрулировать вдоль вагонов, вверенных под охрану, наблюдать, чтобы к ним не приближались посторонние, и самое главное: не прозевать отправление и успеть забраться обратно в теплушку. Тепловоз трогался с места рывком и быстро набирал ход. По звёздам Кравец определил, что состав шёл на север. Почему именно на север – было неизвестно.

Станным образом курсируют воинские эшелоны. Если конечная точка пути, как записано в караульной ведомости, станция Капустин Яр (а это где-то за Волгоградом), то самая короткая дорога туда от Челябинска протекает через Уфу и Куйбышев. Состав же почему-то идёт в другую сторону. Совсем как в дурацком анекдоте про лошадиную голову. Сидит на берегу рыбак, смотрит на поплавок. Вдруг выныривает лошадиная голова, спрашивает: «Далеко ли до города Парижу?» – «По течению – пять вёрст, против течения – пятнадцать». – «А мне всё равно. Я не доплыву!»

Короче, передвижение воинских грузов – тайна великая есть. Правда, по поводу крюка, который они сейчас совершают, у Кравца возникли некоторые предположения, которыми он за ужином поделился с товарищами. Мол, всё это для того, чтобы американцы со спутников не зафиксировали, куда движется секретный груз.

– Да, какие спутники? В ЦРУ все наши тайны и так знают! Это нас самих с панталыку сбивают! – со знанием дела заметил Мэсел и пододвинул Кравцу банку с кашей. – Ешь лучше, спутник американский!

4

Часовому на посту запрещено многое: пить, есть, курить, спать, читать, разговаривать с кем бы то ни было, кроме прямых начальников, оправлять естественные надобности...

Но никто не может запретить часовому думать.

Сколько всего передумал Кравец на посту номер один, у Боевого Знамени училища. Весь пост – три квадратных метра на площадке между первым и вторым этажами в штабе. Бархатные витые шнуры, подвешенные на бронзовых столбиках – это граница поста. А в самом его центре – училищная святыня, на постаменте, под стеклянным колпаком и сургучной печатью. Круглые сутки пост освещается лампами дневного света. Поэтому часовой у Знамени, скосив глаза, может видеть своё отражение в стекле, на алом фоне. Особенно нравилось Кравцу, чуть

подвигав рукавом, наблюдать, как одна курсовка на нём превращается в две, а если колебания усилить, то и в три полоски. Для непосвящённых, курсовка – всего лишь нашивка на мундире, а для курсанта – свидетельство его статуса. Представишь, что ты уже на третьем курсе – и сердце замирает от восторга. Ведь старшекурсник – это не только человек, обладающий большей свободой, но и любимец студенток местных институтов. Для них каждый курсант с тремя курсовками – потенциальный жених. С первокурсником дружить – занятие неблагодарное: сколько ещё воды утечёт до его выпуска, тут и любовь пройти может. Да и с выпускником знакомиться – перспектива ненадёжная: он уже, как правило, имеет подругу или успел приобрести горький опыт дружбы с местными девчатами.

Но если говорить откровенно, на первом посту Кравцу чаще думалось не о девушках, а о подвигах. Всё к этому располагало. И Знамя, доверенное ему под охрану. И инструктаж, где приводились примеры спасения Знамён часовыми и отрабатывались приёмы практических действий в случае экстремальных ситуаций. Часовой обязан сделать всё для спасения святыни, даже если его жизни угрожает смертельная опасность. Ведь в случае утраты Знамени училище будет расформировано. Сколько раз Кравец представлял себя в подобной, требующей самопожертвования, ситуации...

Вот открывается дверь штаба, и на пороге возникают преступники, стреляющие через стекло в дежурного по училищу, сидящего справа от входа. Потом они целятся в него, в Кравца, но он успевает залечь и открыть ответный огонь. Один из бандитов падает. Второй продолжает стрелять. Стреляет и Кравец, успев нажать тревожную кнопку, извещающую товарищей в караульном помещении. Потом, и у него, и у бандита кончаются патроны. Преступник выхватывает нож, бросается на него, и завязывается рукопашная схватка... Здоровенный бандит умудряется повалить Кравца, заносит над ним острый клинок. Кравец из последних сил сопротивляется, и тут появляется тревожная группа. Преступник связан. Раненый или убитый дежурный по училищу отправляется, соответственно, в госпиталь или в морг, а Кравца все называют героем...

Никаких подвигов на посту номер один ему совершить так и не удалось. Преступники так и не ворвались в штаб, и не случилось ни наводнения, ни пожара, ни других стихийных бедствий, во время которых часовой имеет право вскрыть шкаф со Знаменем, прижать алое полотнище к груди и вынести его в безопасное место. Но желание совершить подвиг осталось. И в выездном карауле заявило о себе с новой силой.

Ищите и обрящите. Проще сказать: хочешь подвигов – получай! Только в жизни они вовсе не такие, как в мечтах. И первый случай убедиться в этом судьба подбросила Кравцу уже через сутки.

После продолжительного перегона эшелон остановился на узловой станции. Стояли долго, на дальнем пути, между двумя составами: один с лесом, другой с нефтью. Уже стемнело, когда Шалов пошёл, как он выразился, «ин интеллидзэнс сервис», то есть на разведку. Через полчаса он вернулся к теплушке в необычно приподнятом настроении. Дружески похлопал по плечу Захарова, стоящего на часах, и бросил остальным, высунувшимся из вагона:

– Кравец и Масленников, фолоу ми! За мной!

– Куда, товарищ сержант?

– Шагайте, сейчас узнаете... Итс гуд фо ю!

– А по-русски это как?

– Вам это полезно... – перевёл Шалов. Он на самом деле был в хорошем настроении. Даже нотацию не прочитал, что необходимо учить язык потенциального противника. И более того, по дороге к голове состава проговорился:

– Мы идём в гости...

– К кому?

– Мы на станции Юдино, под Казанью. Тут к нам прицепили ещё один выездной караул. Курсачи из Пермского ВАТУ⁶. Я уже познакомился. Ребята классные...

В теплушке у «классных ребят» было накурено, хоть топор вешай. Трое пермяков сидели за таким же, как у них, фанерным столом. На нём громоздились бутылки с наклейкой «Агдам» и открытые банки с тушёнкой. Нары, расположенные так же, как в их теплушке, были отгорожены пёстрой тряпкой, таким подобием занавески. За ней слышалась какая-то возня.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – по-волжски «окая», пригласил один из пермяков.

Все они были в телогрейках, не различишь, в каком говорящий звании, но по интонации Кравец догадался: это – старший. Очевидно, начкар. Шалов обратился к нему по имени:

– Спасибо, Витёк! Мы ненадолго. А то дадут зелёный свет, не успею до своего телятника добежать...

– Успеете, машинист всегда гудит перед отправлением, – успокоил Витёк, освобождая Шалову ящик, на котором сидел. – Давайте по маленькой, за знакомство!

Подчинённый Витька разлил в кружки тёмную, похожую на чернила, жидкость. Пододвинул гостям. Мэсел и Кравец взяли кружки, выжидательно глядя на Шалова. Сержант выпил первым и разрешил:

– Дриньк ап! До дна!

Они выпили. Выпили и пермяки. Витёк, с минуту помолчав, сказал:

– Может, кто бабу хочет?

Тут растерялся даже бывалый Шалов:

– Какую бабу?

– Обыкновенную. Бл...!

– Откуда она?

– Да сама напросилась. Говорит, возьмите меня, курсантики, с собой, кормите и поите, а я вас ублажать буду...

– Ну, вы даёте! А где она?

– За шторкой, Вадька с ней щас занимается... Вадька, ты живой?

В ответ ему раздались женское хихиканье и недовольный голос Вадьки:

– Да заманала меня, сучка пьяная!

– Ну, курганцы, будете? Баба ненасытная! – криво ухмыльнувшись, предложил Витёк.

В этот момент Вадька отдёргнул занавеску и слез с нар, застегивая штаны. Из-под солдатского одеяла на Кравца глянуло существо с всклокоченными волосами, с заплывшим, давно немытым лицом. Приглядеться, так – копия той бродяжки с курганского вокзала. «Как такую страхолюдину обнять, не говоря, чтобы... Да и как без любви можно делать это?» – передёрнул плечами Кравец. А она, словно назло, сказала сиплым голосом, тыча грязным пальцем в него:

– Мне во-он тот понравился, со смазливой мо-ордашкой, – и вдруг запела, жутко перевирая мелодию. – Высо-акый да стру-ункий, высо-акый да стру-ункий, шей на бара-а-де ямка! Ха-ха-ха!

– Давай, Кравец, дерзай! Красотка тебя выбрала... – поддразнил Шалов.

– Нет, я не буду, – потупился Кравец, чувствуя, что кровь приливает к щекам. В свои восемнадцать он ещё ни разу не был близок с женщиной. Целовался-то всего однажды, и то не по-настоящему. С двоюродной сестрой Людкой, которую попросил показать, как вообще целуются парни с девушками. А это на пальцах не объяснишь. Вот Людка и поцеловала его в губы. Но ведь она – сестра, и всё происходило, как бы понарошку. Конечно, уже пора бы Кравцу узнать, что такое – женщина. Но не при таких же обстоятельствах и не с такой...

– Слабак! – откомментировал его отказ Мэсел. – Смотри, как надо!

⁶ Военное авиационно-техническое училище.

Он скинул телогрейку, приспустил штаны и полез на нары. Взгромоздившись на бабу, начал телодвижения. Даже занавеску не задёрнул. От такого зрелища Кравцу стало дурно.

– Можно, я пойду? – попросил он Шалова.

– Можно козу на возу... – гоготнул тот, но смиростивился: – Ладно, иди, благородный ты наш, мы тебя догоним...

– Куда ты, красавчик? – раздалось ему вослед. – Ишь, прикикерился, го-ордый какой...

Кравец бегом вернулся в родную теплушку и, отдышавшись, рассказал Захарову о происшедшем.

– Может, зря ты, Саня, таким случаем потерять невинность не воспользовался? Когда ещё представится...

– Скажешь тоже! Я что, такая скотина, как Мэсел? – возмутился Кравец. – Ты бы её видел...

– Да я чё, я так. Только теперь Мэсел с Шаловым тебя всю дорогу подкалывать будут...

– Пусть попробуют...

Мэсел вернулся в теплушку через полчаса. Принёс с собой две бутылки «Агдама».

– Пермьяки угостили, гуляем, братва! – шевеля усами, как мартовский кот, сказал он.

– Где комода потерял? – спросил Захаров, разглядывая подношение.

– Где-где? В борозде! – осклабился Мэсел. – Сейчас сержант сделает своё дело и заявится собственной персоной.

– Это то самое, что ты только что делал? – презрительно поинтересовался Кравец.

– На твоём месте, чистоплюй, я бы помалкивал...

– Лучше сам помолчи да молись, чтобы не закапало! – Кравец выразительно показал взглядом, где именно.

– Да пошёл ты!

Драки было бы не избежать, но тут прогудел тепловоз, почти одновременно с гудком трогаясь с места.

– Ребята, там же Шалов! – Захаров рванулся к выходу. За ним остальные. Они высунулись из теплушки, глядя в ту сторону, где должен был находиться начкар.

– Смотри, вот он! – первым разглядел сержанта Кравец.

– Товарищ сержант, мы тут, тут! – заорали они.

Шалов тоже заметил их и побежал по насыпи, параллельно обгоняющему его составу. Когда теплушка поравнялась с ним, он протянул Захарову, стоящему ближе всех к выходу, два «огнетушителя» – полуторалитровые бутылки с вином. Захаров схватил их и попятился назад, уступая место у дверей Кравцу. Всё это заняло доли секунды. Но их хватило, чтобы сержант отстал.

– Товарищ сержант, руку давайте, руку! – крикнул Кравец, не слыша собственного голоса. Не оборачиваясь, бросил Мэселу: – Лёнька, подстрахуй!

Мэсел ухватил Кравца за ремень. Кравец, высунувшись из дверей по пояс, потянулся к Шалову. Он сделал рывок и вцепился в руку Кравца.

Кравец начал подтягивать сержанта в теплушку, и в этот миг у того подогнулись колени, ноги поволоклись по насыпи. А состав уже набрал полный ход.

– Отпусти его! Впереди стрелка! – истошно закричал Мэсел. – Убьётесь оба!

– Товарищ сер... – выдохнул Кравец и разжал ладонь.

5

Первые несколько минут после случившегося в теплушке царило молчание. Кравец, которого Захаров и Мэсел оттащили от дверей, тряс рукой – свело мышцы от напряжения. Потом он выглянул наружу. Где-то уже далеко позади мигали огоньки злополучного Юдино, а

вокруг была непроглядная тьма. Кравец представил себе, как Шалов, матерясь по-английски, выбирается сейчас из сугроба и грозит вслед ушедшему составу кулаком, и неожиданно расхохотался.

Смеялся он так заразительно, что захохотали и остальные: Юрка басовито, Мэсел – высоко, повизгивая. Приступ коллективной истерики длился довольно долго, пока Кравец, опомнившийся, не задал вопрос, который буквально висел в воздухе:

– Что будем делать, пацаны?

– Может, бабахнем из автомата... Подадим сигнал машинисту... – запоздало вспомнил инструкцию Захаров.

– Ну и что? Остановится он посреди поля, а как сержант нас догонит? – резонно заметил Мэсел. – Представляете, наш начкар сейчас бежит по шпалам на дальнюю дистанцию. Или на дрезине, на ручной, катит. Уан-ту-фри, уан-ту-фри!

Картинка была такой живописной, что Кравец и Захаров прыснули снова.

– Ну, ладно, посмеялись, и хватит! Что дальше-то? – повторил вопрос Кравец.

– Груз охранять бум... – заявил Захаров.

– Это точно, – согласился Мэсел. – Бум!

– А как же сержант?

– Шалов не пропадёт... Пистолет же при нём...

– Вот именно, куда он на станции, в одной телогрейке да ещё с пистолетом?

– К начальнику. Попросит задержать эшелон где-нибудь поблизости и догонит... на дрезине.

Теперь шутка Мэсела улыбки не вызвала.

– Станет тебе железнодорожное начальство из-за одного опоздавшего сержанта график движения сбивать, – проворчал Захаров. – А Шалова жалко. Шалов, он ведь тоже человек, хоть и сволочь изрядная...

– Да что ты заладил: Шалов, Шалов... Никуда он не денется! Давайте выполнять всё, что положено, и без него не пропадём! Сержант, вот увидите, скоро нас догонит. А при его способностях втираться к начальству в доверие ещё и перегонит! Скажите лучше, куда это девать? – Кравец кивнул на бутылки с вином.

– Как это куда? По назначению! – Мэсел щёлкнул пальцами по горлу. – Надо же обмыть то, что случилось! Не каждый день начкары теряются!

– И то верно!

Они расположились в караулке и открыли две бутылки.

– За нашу свободу! – провозгласил Кравец. Это походило на тост артиста Кадочникова из кинофильма «Подвиг разведчика» и звучало так же двусмысленно.

Но никто оспаривать тост не стал.

Когда выпили и налили снова, слово неожиданно взял Мэсел:

– Я хочу выпить за вас, Саня и Юрка! Вы ребята что надо! – сказал он и в три больших глотка осушил свою кружку.

Кравец и Захаров недоверчиво переглянулись: чего это Мэсел подлизывается? Но выпили. Отчего ж за себя не выпить?

После того как подошла к концу вторая бутылка, Мэсел затянул популярную среди курсантов песенку:

Как-то раз на поле брани случай был такой:

На посту в дивизионе пёрнул часовой.

И от выстрела такого прилетел стрелой

Командир дивизиона с кухни полевой.

– Ах ты, мерзкая скотина, жалкий идиот!

Как ты смел пускать из зада сероводород?

Откуда появилась эта дурацкая песенка в училище, никто не знал. Судя по тексту, она была написана ещё до Октябрьской революции, да и по смыслу никак не подходила для будущих политработников. Но в том-то и состоял особый шик, чтобы, сидя в Ленинской комнате, исполнять под гитару эту и подобные ей песни, скажем, про господ юнкеров, переделанные на свой лад Кравцом. Или «белогвардейскую»: «Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...»

И если в училище такие песни – не что иное, как попытка проявить внутреннюю свободу, то теперь, когда последний «символ командирской власти» остался в Юдино, не поддержать Мэсела было просто нельзя. Кравец и Захаров тут же присоединили к песне свои нетрезвые голоса:

Посудили, порядили – его расстрелять,
Но тут прапорщик гвардейский стал протестовать:
– Разве писано в уставе, что нельзя вонять?

Финальный куплет они спели втроём, приплясывая вокруг буржуйки, как дикари вокруг жертвенного костра:

И теперь в дивизионе слышно за версту,
Как воняют часовые, стоя на посту!

– О-хо-хо! Ха-ха-ха! Очень актуальная песня! Шалов-то наш, наверно, обосрался со страху! – они снова покатались со смеху.

– Открывай следующую!

– Наливай!

Выпили. Закусили.

– Ребята, а не переберём? – неожиданно встревожился Захаров.

– С чего бы это?

– Много уже выпили. Помните, наш комбат говорил, что пить водку на жаре полными стаканáми – позор!

– Так тож на жаре. При чём тут комбат?

– История одна на ум пришла. Мне брат рассказывал.

Брат Юрки, Александр Захаров, год назад выпустился из КВАПУ и служил сейчас в Кушке. Кравец был с ним знаком, поэтому сразу откликнулся:

– Расскажи.

– История занятная, – начал Захаров. – Может, помните, был у брата однокурсник Сергей Сковорцов...

– Как не помнить! Гордость училища! Ленинский стипендиат, секретарь курсового комитета комсомола.

– Ага, он самый. Так вот, с этим Сковорцовым был один случай. На почве злоупотребления... Брату всё известно доподлинно, так как он со Сковорцовым дружил. Ну, как мы с тобой. – Захаров положил руку на плечо Кравцу.

– Предлагаю тост за дружбу! – встрепенулся осоловевший Мэсел.

– погоди, лёнь, послушай! Однажды к Сковорцову, уже за две недели до госов, приехала на Увал подружка. Стюардесса. Красивая – сам однажды видел. Улыбка, как у Бриджит Бардо. Глазищи на пол-лица. Ну и ноги от ушей растут. Брат говорил, что у Сковорцова с ней серьёзно было. Только вот свадьбы почему-то не получилось. Но это потом... Значит, приехала

она к Скворцову и привезла с собой бутылку спирту авиационного. «Гидрашка» называется, как вы знаете. Он же – «ликёр-шасси». Зачем был нужен спирт? Мне неизвестно. Может, сам Скворцов попросил, чтобы с мужиками впрыснуть окончание учёбы. Может, ещё что. Главное, гуляет эта парочка в рощице, ну, возле южного КПП. Воркуют. То да сё. Про любовь, про весну...

– Давайте з-за любовь!.. – опять встрял Мэсел.

– Да не перебивай ты! Ну и что дальше, Юрка?

– Дальше – больше. Уже не знаю, какая моча им в голову ударила. Заспорили. Скворцов говорит, что выпьет всю бутылку из горла. Подруга не верит.

– Да ни в жизнь бутылку «гидрашки» из горла не выпить! – согласился Кравец.

– Это самое и стюардесса ему заявила. А он – ни в какую: выпью, и всё! Ударили, как говорится, по рукам. Скворцов открыл бутылку и стал пить. Как потом его подружка рассказывала, половину пузыря выдул разом и замертво грохнулся на землю. Она перепугалась. Давай его по щекам хлестать. А он лежит, то дышит, то не дышит.

– Надо был-ло искусственное дыханье делать: рот в рот... Ик-ик-о! – не то хохотнул, не то икнул Мэсел.

– Делала, наверно. Только время прошло, и Скворцов сам очухался. Но как будто не в себе. Короче, буйство на него напало. Стал он от неё по лесу бегать. То на дерево взберётся, то в кустах спрячется. Так они из рощи короткими перебежками через тракт оказались в бору. Как раз на той поляне, откуда мы лыжные кроссы бегаем. А там костерок горит. Люди какие-то. Два жигулёнка. Скворцов к костру прямым ходом. Она за ним. Он подбегает к одному мужику, который шашлыки жарит, и говорит: «Давай с тобой бороться!» Стюардесса его оттаскивает, а он своё: «Силу мою ты ещё не знаешь. Хочу с этим мужиком бороться». А тот: «Здесь бороться не будем. Давайте сядем в машину, отъедем в сторонку. Там и поборемся...» Стюардесса просит: «Не садись!» Скворцов сел. И поехали... – Захаров сделал паузу, нагнетая обстановку: – А конец этой истории брат уже сам видел. Он в тот день был дежурным по роте. Скворцова принесли на руках из штаба училища три первокурсника. Он был в отключке. А когда проснулся, стал Сашке плакаться, что, наверное, его из училища исключат. Дескать, он с каким-то большим начальником подрался.

– И кто эт-то был? – ослабившись, спросил Мэсел.

– Кто-кто? Дядя твой! Неужто он тебе не рассказывал?

– Нет, ик... Слушайте, парни, я, ка-атся, перебрал... – Мэсел помотал головой и снова икнул. – Я, п-жалуй, лягу...

– Ага, а я лягу-прилягу... – в тон ему пропел Кравец и спросил у Захарова: – Так что случилось со Скворцовым?

– А ничего. Выпустился из училища и золотую медаль получил. Только нервы ему, конечно, изрядно попортили. На парткомиссию вызывали, чихвостили. Особенно дядя мэселовский старался. Он ведь Скворцова в штаб училища и доставил, а тот, как знакомый забор увидел, стал руль у Мэсела-старшего из рук вырывать, хотел его из машины выпихнуть...

– Во даёт! И как это ему такие подвиги простили?

– Мусор из избы выносить, наверно, не захотели.

– Во-первых, не мусор, а сор, – поправил Кравец. – Во-вторых, не выносить, а выметать...

– Ладно, грамотей выискался. Выпей с моё, тогда посмотрим. – Язык у Захарова заплетался.

Третья бутылка явно была лишней. Это почувствовал и Кравец. Мэсел тем временем уже спал на нарах, посвистывая и похрюкивая. Кравец и Захаров тоже закемарили, сидя на ящиках, прислонясь к стене.

Первым проснулся Кравец. Его разбудили какие-то неприятные утробные звуки. Очухавшись, он увидел, что Мэсела выворачивает прямо на полущубок, которым он укрыт. Лицо у него бледное, будто неживое, глаза закатились.

– Юрка, проснись! Мэселу плохо! – растолкал Кравец друга.

– А кому сейчас хорошо? – пробурчал Захаров, но глаза открыл. Посмотрел на Мэсела, выругался и предложил: – Слышь, Сань, надо его на бок перевернуть, а то захлебнётся своей парашей! Такое бывает, мне рассказывали.

– Какое там, на бок! Посмотри на эту скотину! Он и так нам все нары изгадил... Как спать будем? Чуешь, вонища? Давай его в нежилую половину оттащим, может, быстрее придёт в себя на сквозняке...

Они поволокли вяло сопротивляющегося Мэсела к двери. Тут состав начал притормаживать и остановился. Захаров распахнул дверь теплушки.

– Сань, на семафоре стоим, вокруг поле, – проинформировал он.

– Всё-таки это Шалов задержал эшелон по радио и едет к нам на дрезине!

– Скажешь тоже, на дрезине... Нас теперь и на вертолете не догонишь! Мы уже часа четыре прём без остановок!

– Ладно, Юрка, хрен с ним, с Шаловым. Надо, чтобы Мэсел в себя пришёл...

– Ага! Давай его в снег окунём, сразу очухается!

Процесс транспортировки Мэсела на заснеженный откос занял минут десять. Справившись с этим непростым делом, они старательно растёрли снегом его лицо, почистили пэша. Не сговариваясь, поволокли обмякшего Мэсела обратно. Сил хватило только, чтобы приподнять его и забросить в вагон до половины: голова и корпус внутри, а ноги свешиваются снаружи.

– Передохнём... – попросил Кравец и стал делать упражнения: взмах руками, наклон, глубокий вдох, выдох... Захаров повторил несколько взмахов и наклонов вслед за ним, потом слепил снежок и метнул в Кравца.

– Ах, так! – Кравец тоже подхватил снежный комок и бросил в Захарова.

Завязалась перестрелка. Под натиском друга Захаров стал пятиться к хвосту состава. Кравец – за ним. Дурачась, они отошли довольно далеко от своей теплушки.

Какое-то шестое чувство заставило Кравца оглянуться. В этот миг красный сигнал семафора замигал и сменился зелёным.

– Юрка! Стой! Скорей обратно! – крикнул он другу и побежал к теплушке.

Догнал её, когда состав уже тронулся. На ходу Кравец попытался забраться в вагон. Не тут-то было! Ему мешали ноги Мэсела. Раздумывать было некогда. Он сделал рывок вперёд и ухватился за дверную скобу. Пытаясь перебраться через Мэсела, стал подтягиваться наверх.

К ужасу Кравца, дверь сдвинулась с места и покатилась по обледеневшему жёлобу, загромождавая вход...

Глава четвертая

1

Служба и дружба, как две параллельные линии, не сходятся никогда. Это высказывание Суворова всегда казалось Кравцу несколько сомнительным. Он имел немало примеров, чтобы его опровергнуть. Взять хотя бы Смолина.

Командира полка Кравец с полной ответственностью мог назвать своим другом. Ибо друг – не только тот, с кем в праздник распевают песни, и не тот, с кем делят чашу на пиру. А тот, с кем в трудную минуту ты встречаешь вместе беды и потери, холод и жару. Так пелось в песне советских времён. С командиром, конечно, и за одним столом они сживали не единожды, но дружбу проверили всё-таки не застольем, а совместной службой, где торжества нечасты, а разных неприятностей – хоть отбавляй. Жизнь полка, вопреки представлениям об армии как об организации упорядоченной и строго регламентированной, на деле трудно предсказуема. В коллективе, где выполняют разные боевые и хозяйственные задачи полторы тысячи человек, каждый божий день что-нибудь случается. И хотя ответственность за всё происходящее, по уставу внутренней службы, в первую очередь лежит на командире-единоначальнике, но и заместителю по воспитательной работе тоже достаётся. Если, конечно, не прячешься за спину комполка, как делают некоторые коллеги. Кравец прятаться не привык. Это качество и ценил в нём Смолин.

Отношения со своим заместителем по воспитательной работе он строил на равных, любил посоветоваться, поговорить по душам.

На этот раз Смолин с порога ошарашил новостью:

- У нас чепэ, комиссар! И не одно, а сразу два!
- Неужто собачка Жучка сдохла? – попытался пошутить Кравец.
- Не до шуток, Саня! Погибли два бойца из ремроты и зампотех...
- Ротный?
- Да нет. Наш! Грызлов! Застрелился в кабинете, ёкарный бабай!

Заместитель командира полка по технической части майор Грызлов был «тёмной лошадкой». Замкнутый и неприветливый, он ни с кем из сослуживцев дружбу не водил. Как говорят на Кавказе, хлеб не ломал, или, по-русски, водку не пил. Впрочем, это дело каждого: с кем праздники отмечать. По службе к Грызлову особых претензий не было. Не то чтобы техника в полку находилась в хорошем состоянии (в годы всеобщего развала этого добиться просто невозможно!), но приезжающие комиссии оценивали её боеготовность как удовлетворительную. Какие старания для этого предпринимал Грызлов, никого не интересовало. Важен результат! До Кравца, конечно, доходили слухи, что майор на руку не чист, проворачивает махинации с запчастями, с талонами на бензин. Но ревизия недостачи не обнаружила. Не пойман за руку – значит, не вор.

– Вчера начали нас шерстить окружники. Проверяют готовность к убытию. Или, как они заявили, помогают выполнять поставленную задачу. Помощнички, ёкарный бабай! Ходят по пятам, суют нос в каждую щель, сто советов в одну минуту, а толку никакого, – хмуро излагал Смолин. – А тут, как назло, пожар на частной автомойке. Той, что за парком боевых машин. Ну, пожар как пожар. Мы же его тушить помогали. Потушили и два трупа обнаружили. Сильно обгорели, но документы сохранились. Оказалось, наши бойцы: Сиразетдинов и Марласов. Ты их знаешь.

– Как не знать! Самовольщики. Сам сведения в дивизию подавал. Если память не изменяет, с сентября в бегах числятся.

– Так точно. Но это на бумаге. Когда прокурорские стали ротного трясти, тот раскололся, что, дескать, по приказу Грызлова этих бойцов отправил на заработки. А в самовольщики записал, чтобы не искали. Они почти полгода на заправке жили, как рабы... Понимаешь, ёкарный бабай! Вкалывали за пайку. Деньги у хозяина автомойки ротный забирал. Основную часть – зампотеху, ну и что-то себе на карман...

– Ты думаешь, это правда? Может, ротный с перепугу наклепал на Грызлова, чтобы себя выгородить?

– Эх, Саня! Какой ты, ёкарный бабай, инженер человеческих душ, если современную молодёжь не знаешь! Она сейчас ушлая. Ротный понимал, что закон нарушает. Потому заручился письменным распоряжением Грызлова. Его и предъявил «следаку». Тот по горячим следам назначил прокурорскую проверку всей техслужбы. На складах ЭНЗэ выявили недостачу на несколько «лимонов», а следы опять к Грызлову тянутся... Ты у него дома бывал?

– Не доводилось.

– Так сходи на экскурсию. Посмотри, как господа майоры живут! Мы с ним – соседи, а в гостях я у него оказался впервые. Понятым пригласили. Будто в музее очутился... Картины, гобелены всякие. Мебель кожаная... Золото и доллары нашли под ванной. Потом отправились к нему в кабинет, сейф вскрывать. Идём, я Грызлову говорю: «Я бы на твоём месте, ёкарный бабай, пулю в лоб пустил!» Он скривился и отвечает: «А вы, командир, сначала на моём месте окажитесь, а потом советуйте!» Наглец! Зашли в кабинет. Следователь попросил открыть сейф. Грызлов спокойно достал ключи, открыл дверцу. Не успели мы опомниться, выхватил из сейфа пистолет и бахнул себе в висок. Пуля полбашки снесла. У всех, ясное дело, сначала – шок! Потом стали разбираться, откуда ПМ взялся, откуда патроны? Грызловский-то, табельный, как положено, у дежурного по полку, под замком. А у «макарова», из которого он застрелился, номера сточены, будто у киллерского. И патроны из серии, какой на складах в дивизии нет. Короче, тёмная история. Так что готовься, комиссар, на ковёр...

– Ну, это нам не впервой!

– Да нет, тут мозги вынесут, не ходи к гадалке!

– Да, пришла беда – открывай ворота, – согласился Кравец.

– Сань, прости дурака, – спохватился Смолин. – Я ведь и не спросил, как у твоей матери дела?

– Не будем сейчас об этом, Серёжа. После расскажу...

2

Линия судьбы на руке у Кравца – прямая и чётко очерченная. Без разветвлений и разрывов. В жизни же, как у всякого военного, без зигзагов не обошлось. А иначе как выпускник военно-политического авиационного училища смог стать политработником в мотострелковом полку?

...Кравец окончил училище с золотой медалью. Из-за желания служить поближе к больной матери отказался от престижного распределения в zahraniчную группу войск. Но в Челябинск служить не попал. Был назначен замполитом роты в авиационный арсенал в Кировской области. Часть располагалась в лесу, в ста километрах от областного центра, и считалась местом неперспективным, а попросту – ссылкой.

– Тебя-то сюда за что? – вопросом в лоб встретил Кравца командир роты – седой капитан с испытанным лицом.

– Ни за что... – ответил Кравец. – Служить прибыл.

Служить он и вправду хотел. Потому и не испугался этого назначения. Помнил советы бывалых офицеров, что службу в «медвежьем углу» лучше начинать, чем заканчивать. Впрочем, в том, что он очутился в таком месте, было ещё одно преимущество: на фоне спива-

ющихся старших сослуживцев легче было проявить себя. Командир роты по причине этого самого пьянства вскоре был уволен. Кравец, оставшийся за двоих, дневал и ночевал в казарме. Через год сделал роту лучшей среди таких же подразделений ВВС. Его заметили.

После итоговой проверки офицер из политического отдела предложил перейти на комсомольскую работу.

– Комсомол – это школа жизни, – убеждал он. – Вы, Кравец, офицер молодой, толковый. Вас на этом поприще ждёт блестящее будущее...

– Не советую, Александр Викторович, делать такой опрометчивый шаг, – стал отговаривать Кравца замполит арсенала, которому лейтенант рассказал о поступившем предложении. Может быть, он просто не хотел отпускать от себя добросовестного офицера, может, действительно не видел открывающейся для подчинённого перспективы.

– Это движение в сторону, – говорил он. – Ну, кто ты такой? Офицер-политработник. Перед тобой прямая дорога. Ещё годик-другой побудешь на роте, а там двинем тебя на замполита батальона. Поступишь в академию. А что ждёт тебя на комсомольской работе? Максимум – капитанская должность. Просидишь на ней, пока не станешь старпёром. Знаешь поговорку: «Волосы выпали, зубы торчком, старый дурак с комсомольским значком»?

Кравец не послушал замполита. Вспомнил другую поговорку: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». На следующий день разыскал проверяющего и сказал, что согласен.

Армейский комсомол оказался хорошей школой. И главное – необычной. Ведь секретарь комитета обязанностей имел много, а власти никакой. Попробуй в таких условиях завоюй авторитет, организуй работу, убеди начальников в необходимости того, что придумал, мобилизуй комсомольцев. Сумеешь – честь тебе и хвала. Не найдёшь своего места в полку (будешь бить баклуши или бегать на побегушках у замполита) – считай, пропал. Застрянешь на комитете, как и обещал бывший начальник, до седых волос. А потом путь один – в начальники солдатского клуба и в запас, с тремя маленькими звёздочками на погонах...

В авиации у политработников, кто не из лётного состава (а таких – большинство), карьерный рост невелик. На должности замполитов полков, начальников политотделов назначаются только лётчики или штурманы. Не пройдя ступеньки замполита эскадрильи, нечего и мечтать о дальнейшем продвижении. Если станешь к пенсии майором, пропагандистом авиаполка или замполитом батальона обслуживания – уже удача.

Но Кравцу повезло. Он попал помощником начальника политотдела по комсомольской работе в авиационный полк, который занимался поиском и эвакуацией космонавтов и космических объектов в казахстанской степи. Полк был московского подчинения. Все в нём – на виду. Только служи, не ленись! Через два года Кравец ушёл на повышение в политотдел ВВС. Потом был приглашён в комсомольский отдел политического управления округа.

Там и произошло переодевание его в общевойсковой мундир. Начальник политуправления на дух не переносил авиаторов. Голубые петлицы и просветы на погонах напрямую ассоциировал с расхлябанностью и недисциплинированностью, якобы присущими всем «летунам».

– Чтобы я вас, капитан, в этой форме больше не видел! – приказал он Кравцу, представившемуся по случаю прибытия к новому месту службы.

– Есть! – только и осталось ответить бывшему авиатору.

В политуправлении Кравец стал майором, отсюда поступил в военно-политическую академию, после окончания которой и был назначен заместителем командира мотострелкового полка по политической части.

Быть бы Кравцу если не генералом, то уж точно полковником – начальником какого-нибудь политотдела, если бы не пресловутая «перестройка». Она, как и пророчили злые языки, переросла-таки в «перестрелку». Путч в Москве, показавший полную неспособность высшего руководства не только к управлению страной, но даже к организации самого переворота, закон-

чился фарсом возвращения Горбачёва из Фороса и непомерным возвеличиванием роли трёх «героев-демократов», задавленных во время бестолковых передвижений войск по столице. Офицеры полка, где служил Кравец, тогда отказались выводить танки на улицы далёкого от политики уральского города, остались в расположении части, не выполнив приказа командующего округом генерала Макашова, тут же снятого с должности, когда путч был подавлен. А потом пришло указание о роспуске политорганов.

Тогда-то, оказавшись за штатом, Кравец впервые и узнал, что такое настоящая «безнадёга». К ощущению собственной никчёмности добавилось чувство горечи от раскола великой страны. То, что это – следствие пьяного сговора трёх удельных князей в Беловежской пуше, только усиливало безысходность. Для офицера нет ничего страшнее ситуации, когда он не в состоянии защитить государство, которому присягал. Ведь если тебя заставляют давать новую присягу и ты делаешь это – значит, предаешь прежнюю...

Кравец присягу новой власти не давал. Впрочем, его к этому и не призывали, в отличие от сослуживцев, оказавшихся в бывших союзных республиках. Полгода он находился не у дел, пока наверху не уразумели, что любая армия, даже самого «демократического» толка, не может обойтись без воспитателей, как их ни назови: политработники, капелланы, психологи...

Сначала Кравца назначили помощником командира полка по воспитательной работе, потом эту должность переименовали в «заместителя». К чести Смолина, он всегда относился к Кравцу, как к своей правой руке, видел в нём профессионала и единомышленника. И ещё – человека со связями, способного найти выход в трудных ситуациях. Кравец лично знал многих офицеров штаба округа, со многими находился в приятельских отношениях. А это, как ни крути, один из важнейших двигателей любого дела. Скажем, во время разного рода проверок или когда случается что-то непредвиденное.

Именно на старые связи своего зама и уповал Смолин, предупреждая о грядущем вызове на «ковёр» после самоубийства Грызлова.

Такой вызов не заставил себя долго ждать. В дивизию прикатил начальник управления воспитательной работы округа генерал-майор Павел Николаевич Плаксин.

– Твой лучший друг, ёкарный бабай, на свидание зовёт, – заметил Смолин, получив приказ прибыть вместе с Кравцом в кабинет комдива.

Плаксин в округе побаивались даже генералы, не говоря уже о простых смертных. В советское время он возглавлял группу народного контроля, проверявшую наличие «нетрудовых» доходов, дач, автомобилей и т. д. Плаксин был из сибирских крестьян. В гору он пошёл, женившись на дочери секретаря Хабаровского крайкома партии. Слыл Плаксин человеком недалёким, но честным и принципиальным. Не терпел всего, что не соответствовало моральному облику строителя коммунизма и его собственным представлениям о службе. Сам был закоренелым службистом и в требовательности к подчинённым порой доходил до педантизма и даже жестокости.

На памяти у Кравца был случай с одним полковником, провинившимся только в том, что на старости лет влюбился в молодую женщину и во имя брака с ней развёлся с первой женой. Инициатором партийного судилища и последующего увольнения этого офицера из Советской Армии, как дискредитировавшего своё звание, был Плаксин.

Однако в словах Смолина о «лучшем друге» была не только ирония, но и большая доля правды. Плаксин благоволил к Кравцу и даже покровительствовал ему как «литературному дарованию».

Всё началось со дня рождения командующего округом. Как принято, во всех управлениях и отделах штаба готовили поздравления имениннику. Но Плаксин решил всех перещеголять. Узнав, что Кравец «балуетя стишками», вызвал его и велел за пару часов сочинить оду и отпечатать приветственный адрес в окружной типографии.

– Я не успею, товарищ генерал-майор, – промямлил Кравец.

– Никаких «не успею»! Возьмёшь мою «Волгу», а начальнику типографии я позвоню!

О том, что существует такое понятие, как вдохновение, с генералом вести разговор было бесполезно. Кравец заперся в кабинете, призвал на помощь всех существующих муз и... успел.

Как просил Плаксин, «в цветах и в красках», и главное – в рифму, расписал трудное военное детство генерал-полковника, его успешную службу в Монголии и ГСВГ, учёбу в разных академиях, славную семейную жизнь, вплоть до сведений о детях, внуках и упоминании о нежных чувствах к красавице жене. Не забыл и о генеральском хобби: рыбалке и игре в волейбол. Текст, набранный петитом, был золотом отпечатан на лощёной бумаге. К тому же Кравец проявил инициативу и на развороте поздравления отгиснул портрет именинника при всех орденах и медалях. Ещё сырой, пахнувший типографской краской, поздравительный адрес был доставлен Плаксину ровно в назначенное время.

Начальник политуправления, даже не поблагодарив, отпустил Кравца.

Не прошло и часа, как дежурный по политуправлению собрал всех офицеров в зале заседаний. Генерал вывел вперёд Кравца и объявил благодарность за образцовое выполнение задания командования. Затем с придыханием рассказал, какое впечатление произвёл на командующего текст поздравления.

– Командующий обнял меня и прослезился, когда прочёл сочинение этого капитана, – указал он согнутым пальцем на покрасневшего Кравца. – Так проникновенно, сказал товарищ командующий, о моей судьбе ещё никто не писал. Вы слышали? Никто! А посему объявляю, что капитан Кравец – есть наш доморощенный талант. И с этой минуты он находится под моим покровительством. Как говорится, талантам надо помогать...

«Бездарности и так генералами станут», – про себя завершил генеральскую тираду Кравец, не зная, радоваться или нет внезапно обрушившейся на него благосклонности.

Расположение Плаксина оказалось долговременным. Он был приветлив с Кравцом все годы службы в округе, немало поспособствовал поступлению в академию и после назначения на должность заместителя командира полка поддерживал его. Правда, чепэ, подобного нынешнему, прежде не случалось, и Кравец не знал, как поведёт себя его благодетель в этой ситуации.

– Как вы довели полк до такого безобразия, отцы-командиры? – устало спросил генерал, когда Смолин и Кравец предстали перед ним. – Дожили, а! Уже солдаты у вас в наёмных рабочих превратились, майоры стреляются...

Они стояли потупясь, ожидая долгого разноса. Но получилось иначе.

– Сейчас не время для объяснений, – неожиданно произнёс генерал. – От лица командующего округа объявляю вам обоим о неполном служебном соответствии. А теперь идите и готовьтесь к выполнению боевой задачи.

У самой двери он задержал Кравца:

– Смотри, Александр, больше меня не подводи! А то ты меня знаешь...

– Постараюсь, товарищ генерал-майор!

– Уж постарайся.

Смолин ждал на крыльце. Повернувшись спиной к ветру, он нервно курил, зябко поводя плечами.

– Ты же бросил? – удивился Кравец.

– Бросишь тут, ёкарный бабай... Что задержался?

– Да так. Плаксин попросил не подводить больше.

– Понятно. – Смолин ещё пару раз затянулся и бросил окурок в урну. – А всё-таки мы с тобой, комиссар, везунчики: легко отделались. Я думал, снимут...

3

– Товарищи офицеры, ещё раз довожу, что включает в себя экипировка военнослужащего для боевых действий. Попрошу принять это, ёкарный бабай, как моё неукоснительное требование, – Смолин сделал паузу и обвёл строгим взглядом офицеров полка, прибывших на совещание. – Итак. Куртка ватная двубортная – один комплект. Куртка и брюки хэбэ («афганка») – один комплект. Шапка-ушанка – одна штука. Сапоги кирзовые – одна пара. Портянки зимние – две пары. Ремень поясной – одна штука. Фляга для воды – две штуки. Оружие по штату. Боеприпасы – два боекомплекта...

«Хорошо, что походные Ленкомнаты теперь не нужны... – Кравец, вполуха слушая комполка, подумал о своём, о «комиссарском». – Вот мороки-то с ними было бы...»

Вспомнилась «целина». За годы замполитства он дважды выезжал с автомобильным батальоном на уборку урожая. Тогда, по воле всемогущего ЦК, помощь колхозам в перевозке зерна приравнивалась к выполнению боевой задачи под лозунгом: «Бой за хлеб!» В «бой» бросались и солдаты-срочники, и «партизаны» – мужики, призванные из запаса. И у первых, и у вторых – только водка да бабы на уме. Если же учесть, что целинный батальон – это тысяча человек и пятьсот машин, разбросанных на огромной территории, то управлять этой «ордой» было делом нелегким, если не сказать – невозможным. Какая уж тут партийно-политическая работа! Удержать бы «целинную вольницу» в повиновении, избежать бы аварий, драк с местными да междоусобной поножовщины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.